

Лана
Фиселлис

САДЫ
РАДДХЕМА

Annotation

Шесть лет спокойной и тихой жизни Селены шли безмятежно, не считая таинственного незнакомца, являвшегося во снах. В один день работа в кофейне и встречи с другом остаются позади. Селена открывает глаза в другом мире и видит незнакомцев. Они рассказывают о перевороте, случившемся шесть лет назад, и о захватившей власть самозваной Королеве.

Спасаясь от преследований, Селена пытается понять, как вернуть магию, память и прежнюю жизнь. Навещающие ее в коротких снах воспоминания приоткрывают завесу новых тайн, связанных с Рэддхемом. Но вопросов появляется больше, чем ответов...

Селене придется преодолеть сомнения, пройти путь до конца и решить – станет ли Рэддхем для нее родным миром?

Лана Фиселлис

Сады Рэддхема

© Лана Фиселлис, 2023

© Lotur Norn, иллюстрация на обложке, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

На улице так холодно, что даже сквозь плотную ткань перчаток ощущается, как мороз покалывает кожу. Всадник кутается в тёмную накидку, выпуская изо рта маленькое облачко пара. Оно тут же рассеивается в воздухе. Лицо скрывает капюшон, черты его практически невозможно различить. Он наматывает поводья на кулак, заставляя лошадь сначала замедлиться, а потом и вовсе остановиться. Кобыла под ним недовольно шаркает копытами по снегу и мотает головой. Незнакомец цокает языком, успокаивающе проводя рукой по её шее.

Находясь на возвышении, да ещё и верхом на лошади, всадник видит перед собой зеркальную гладь небольшого озера, около которого располагается деревня. Из печных труб поднимается дым, кое-где видны протоптанные кем-то дорожки. Это самая обычная деревня где-то на окраине страны – её местоположение даже не отмечено на карте. Зачем же тогда, спрашивается, страннику останавливаться и наблюдать за озером? Для чего ехать в такой мороз, да ещё забираться так далеко от столицы? Уж точно не ради острых ощущений и красивых пейзажей. Ни лошадь, ни всадник не сходят с места, продолжая терпеливо чего-то ждать.

Он подтягивает кожаные перчатки и поворачивает голову в противоположную сторону, вновь осматривая местность. Вокруг один сплошной лес. Сама деревня находится в низине, на берегу того самого озера, что изначально привлекло внимание путешественника. Отличное место для жизни, ничего не скажешь. Хочешь ловить рыбу – вот тебе озеро. Хочешь поохотиться – вот тебе лес. И почва наверняка плодородная. Но для того чтобы найти это место, приходится попотеть – деревня располагается почти на границе с Домом Воздуха.

Такие деревушки не редкость, и всадник встречал по пути как минимум пять точно таких же: домики, коих от силы штук пятнадцать, окружённые густым лесом и огромными сугробами, возвышающимися вдоль протоптанной дороги. А может, их больше. В подобной местности народ знает друг друга поимённо – путешественников в этих краях, тем более в это смутное время, можно сосчитать по пальцам. Единственное, что выделяет эту деревню среди сотен таких же, – это проклятое озеро.

Шум, доносящийся со стороны деревни, заставляет всадника вздрогнуть. Он пытается разглядеть, что там творится. Долго всматривается, щурит глаза от яркой белизны снега. И тут взгляд цепляется за небольшую процессию: две крепких женщины хватают девушку, держа её настолько высоко, что ноги той отчаянно пинают воздух. Остальные жители покорно следуют за ними.

Эта девушка... по сравнению с теми двумя, она настолько хрупкая, что кажется: одно неосторожное движение – и она пополам переломится. Кожа у неё бледная, сливается с сорочкой и снегом. Светлые волосы до пояса растрёпаны, и завывающий ветер заставляет их взлетать над плечами. Судя по немного сонному лицу и одеянию, становится ясно – её вытащили из постели.

До него вдруг доносится ещё один истошный крик. Бедная девочка. Перешла дорогу не тем людям и теперь вынуждена пожинать плоды своих ошибок. Она отчаянно мотает головой, пытаясь вырваться из хватки сильных женских рук. Что-то шепчет – он не слышит, но по яростному шевелению её губ может понять, что она просит их проявить милосердие.

Путник лишь на секунду прикрывает глаза. С расстояния всё кажется ему таким

размытым, что начинает болеть голова. Глаза под закрытыми веками вспыхивают острой болью, а потом он распахивает их. Цвета вокруг становятся не такими яркими, домики и деревья превращаются в пятна, а вот лица... теперь он отчётливо видит каждое. Особенно чётко выделяется лицо этой бедной девушки. Во взгляде карих глаз теплится надежда, обращённая к палачам. Но они на неё не смотрят, упорно тащат её куда-то.

Всадник ощущает, как к горлу подступает ком, сглотнуть который никак не получается. Наблюдать за происходящим тяжело, но послушаться приказа равно смерти. И он замирает, как мраморное изваяние в Садах Дворца, не находя в себе сил сделать вдох.

Начинается снег. Крупные хлопья кружат перед глазами, мешая рассмотреть картину сего действия. Он должен удостовериться, что всё будет сделано идеально и не возникнет никаких проблем после. Всадник фыркает и вытягивает шею, думая о том, как это неправильно. Но правильность в **таких** краях в **такое** время – понятие растяжимое, а быть борцом за справедливость он не нанимался.

Сердце болезненно сжимается, стоит ему заметить, что девушку ведут именно к озеру, которое каким-то чудом не покрывается коркой льда в лютый мороз. Он не знает, как это возможно, но уверен, что сегодняшняя казнь точно состоится – этому благоволит даже сама природа. Или магия?

На воде стоит деревянная лодка, пришвартованная к небольшому рыбацкому мостику и покачивающаяся из стороны в сторону на мелких волнах. Крепкий мужчина, сидящий в ней, поднимается и вытягивает руки, балансируя между лодкой и берегом. Босые ноги девушки упираются в борта. Она вновь истошно кричит, но теперь крик её больше похож на вопль раненого животного, угодившего в ловушку. Всадник думает, что она наверняка мысленно проклинает всех, кто её окружает, включая и его Суверенного. Из глаз текут слёзы, заставляя светлые волосы липнуть к мокрым, покрасневшим щекам.

Лодочник хватает её за щиколотку – девушка всячески пытается увернуться, хорошенько пнуть мужчину, но попытки оказываются тщетными. Собравшиеся вокруг люди молча наблюдают за происходящим – лица их напоминают маски. Словно кто-то *управляет* их эмоциями. Металлическая застёжка обвивает лодыжку и с характерным щелчком захлопывается. То же самое происходит и со второй ногой, после чего они втроём усаживают девчонку в лодку. Подумать только – для усмирения одной девчонки понадобилось целых три человека. Она не перестаёт извиваться, желая вырваться, но силы неравны. Они продолжают сворачивать её руки, срывая с губ истошные крики.

Кто-то из толпы отвязывает лодку. Лодочник отталкивается вёслами от берега, и лодка трогается с места, разрезая озёрную гладь и пуская мелкие волны. Всадник вздыхает, и изо рта снова показывается облако пара. Пальцы как можно крепче сжимают поводья – так, что кожа перчаток скрипит, заставляя лошадь нервно забить копытами на месте.

Давайте же. Быстрее.

Это несправедливо? Да, возможно. Но кто посмеет возразить? Кто посмеет выступить против ЕГО решения? Всадник снова шумно выдыхает, чувствуя, как болезненно сжимаются легкие. Его эта ситуация... напрягает. Дело в одной несчастной светловолосой девчонке? Это её ведут на казнь? Это ей не повезло, и она каким-то боком перешла дорогу Суверенному? Что ОНА могла сделать, что только для неё одной затеяли весь этот цирк?

Рука застывает у лица. Он проводит перчаткой по капюшону, стряхивая снег. Девчонка больше не кричит, только тихо плачет, не сопротивляясь крепкой хватке женщин.

Лодка медленно останавливается посреди озера. Всадник скрипит зубами. Это то, чего

ждёт его Суверенный: избавления, свободы от той, чья жизнь ему неуютна.

Рослые женщины поднимаются на ноги, хватая девушку под подмышки. Глаза её наверняка опухают и краснеют – всадник уже не смотрит на неё. Он не хочет становиться свидетелем жестокости его Государя. Не хочет видеть, как мучится ни в чём не повинная девчонка. Словно слыша его мысленный протест, чувствуя его присутствие, она вдруг поднимает голову. И в этот момент всадник скользит по ней взглядом. Вряд ли она может увидеть его лицо, но тёмный силуэт уж точно – фигура верхом на лошади выделяется среди белоснежных сугробов и елей, виднеющихся позади.

Всадник чувствует, как вдоль позвоночника прокатывается ледяная волна. Он может поклясться, что читает по её глазам то, из-за чего сердце замирает и болезненно сжимается.

«Ну же. Любуйся! Пусть все любят!»

Или это всего лишь плод его разыгравшегося воображения? Он не уверен в этом, но чувствует, как мышечный орган бьётся в груди, подобно напуганному зверьку. Девочка не сводит с него пронзительного взгляда карих глаз.

Её тело, как мешок с овощами, скидывают за борт лодки, заставляя озёрную гладь пойти крупными волнами. Она хочет зацепиться за борт, подняться, скользя длинными пальцами по гладко отполированной древесине, но не выходит: груз, пристёгнутый к ногам, тянет девчонку ко дну.

Всадник тут же отворачивается, с силой обхватывая поводья. Он уже не видит, как кончик указательного пальца скрывается под водой, не видит и не слышит, как охает толпа, как озеро покрывается рябью. Быстро разворачивает лошадь, пришпоривает её и выдает звучное: «Но, девочка!» И копыта той глухо стучат по земле, припорошённой снегом. Хлопья мелькают перед глазами, бьют по замерзшим щекам вместе с колючим ветром. Но он не собирается оставаться здесь, чтобы переждать метель. Лучше уж найти какой-нибудь замызганный трактир.

Но только не здесь – в месте, где тонущее тело девчонки идёт к песчаному дну. В месте, где, возможно, вся история Рэддхема оказалась перечёркнута. С этого дня её осуждающий взгляд будет преследовать его в кошмарах.

Но не только у всадника ночи станут беспокойными.

Часть 1

Дом воздуха

1 глава

Селена

После дождя на асфальте расплываются огромные лужи: наступи на одну – и провалишься в какой-нибудь волшебный мир, где вокруг летают феи и стрекочут непонятные насекомые, как было в «Хрониках Нарнии». Каждую осень мне приходится становиться невольной участницей этого действия, исполняя пируэты вроде «не наступи в грязь» и «не свались лицом в лужу». И если мне удаётся перепрыгнуть большую часть луж, то не очень благоразумный водитель может с лёгкостью окатить грязной водой. Тогда моё «выступление» считается проваленным. Но обычно мне везёт.

Я стараюсь проскользнуть сквозь толпу спешащих куда-то прохожих. Почти каждую секунду приходится произносить спешное «извините» или «простите» – из-за образовавшейся толкучки я либо наступаю кому-то на ногу, либо случайно толкаю плечом. Люди редко отвечают мне даже раздражённым вздохом, игнорируя происходящее.

Тихо ойкаю, когда чья-то нога придавливает самый кончик конверсов. Шепчу ругательство себе под нос, чувствуя секундный дискомфорт, и пытаюсь как можно скорее пробраться к заветной двери кофейни. В такую рань магазины ещё не успели открыться – стрелка на циферблате наручных часов едва достигает семи. От яркого света вывесок не слепит глаза, но возникает желание подольше постоять у входа, заморожено смотря на то, как аккуратно и красиво разложен товар. Рассвет только-только окрашивает небо в ярко-розовый, заставляя лучи осеннего солнца касаться витрин.

Прижимаюсь к стене здания и юркаю к двери, дёргая за ручку. Звенит колокольчик, разрезая тишину помещения. В нос ударяет запах кофейных зёрен. И хотя кофе я терпеть не могу, этот аромат для меня почти что родной. Блаженно вдыхаю полной грудью и прикрываю глаза, ощущая умиротворение и спокойствие. Подхватывая табличку, поворачиваю её надписью «открыто» к улице.

Помещение кофейни довольно светлое. Тут стоит несколько столиков по всему периметру небольшого, но вместительного зала. Около окон – высокая барная стойка со стульями на тонких ножках, а прямо напротив двери располагаются касса и витрина, на которой разложены всевозможные сладости: от простых печений до ярких тортиков. Выглядят они так соблазнительно и красиво, что посетители всякий раз подолгу задерживаются у витрины и, поддавшись соблазну, что-то покупают.

– Доброе утро, Миш, – тихо здороваюсь я, прежде чем поднять взгляд на ведущую наверх винтовую лестницу.

Пальцы цепляют капюшон пальто, откидывая его назад. Светлые волосы, оттенком схожие с насыщенным цветом спелой пшеницы, немного спутываются и прилипают к влажным щекам. Сейчас на улице светит недавно проснувшееся солнце, но, выходя из дома, я попала под небольшой дождик. Приглаживаю растрёпанные пряди, пытаюсь разглядеть в

пустом помещении своего напарника, но вместо этого натыкаюсь на собственное отражение в витрине.

Янтарные глаза, от которых веет добротой. Миша говорит, что глаза – это зеркало души, и, по его словам, у меня необычайно светлая душа. Это видно по тёплому оттенку вокруг зрачка, крапинкам, располагающимся по радужке, взгляду, обращённому к окружающим, – в нём светится улыбка. Вздёрнутый нос, но не как у гордецов или тех, кто насмехается; рассыпанные по лицу веснушки. В такую мерзкую погоду они особенно выделяются, что только подчёркивает персиковый тон кожи.

Моё оптимистическое настроение слишком заразно, чтобы окружающие не улыбнулись в ответ на мимолётную улыбку, не задержали взгляда чуть дольше или не выпустили ничего не значащий смешок. Миша говорит, что я всегда была такой... живой. По крайней мере, столько, сколько сама себя помню.

– Я переоденусь и вернусь, – в пустоту произношу я, точно зная, что Миша меня услышит. А затем резко скользя по ступенькам вверх – туда, там есть комнатка, где можно переодеться и оставить вещи.

Моё имя – Селена, довольно необычно, согласитесь? Не знаю, что это: чья-то глупая шутка или желание выделить меня среди остальных, но так уж вышло, что имя у меня весьма необычное. Возможно, поэтому меня настигла не самая приятная история. И я бы предпочла забыть её, вот только она отказывается выходить из головы.

Шесть лет назад я открыла глаза на больничной койке со страшным осознанием, что не помню практически ничего из своей жизни. Имя, внешность и даже возраст описывала с трудом, напрягая память до нестерпимой боли в голове, разрывающей виски. Я помнила, как читать, писать, могла посчитать, сложить и умножить числа, но на этом все умения заканчивались – воспоминания стёрлись, будто с дискеты, хранившей историю моего жизненного пути.

В тот день около меня сидели женщина средних лет и парень. Из нашего диалога я узнала, что незнакомка – Мария Морозова – моя тётка по отцу, с которой я и живу, а незнакомец – Михаил Нефлянов – единственный друг, помнящий обо мне всё до мельчайших деталей. Они знали обо мне столько всего, а я не помнила даже их имён.

К порогу местной больницы меня приволок мужчина, прогуливавшийся с супругой и двумя детьми по парку. Он заметил мое тело – я лежала без сознания на берегу паркового озера, и поспешил проверить пульс, слабо бившийся на шее. Я не запомнила его имени, но помню точно, что он упомянул синеву моих губ, хорошо различимую даже в вечернем мраке. Тогда мне всё это казалось дикостью. Хотелось закрыть уши ладонями, спрятаться куда-нибудь, заставить себя проснуться. Я попыталась ущипнуть себя за руку: пусть всё окажется просто плохим сном, нехорошей фантазией. Но уже на протяжении шести лет каждый день я встаю с кровати и понимаю, что произошедшее мало смахивает на сон. Скорее на чью-то глупую и несмешную шутку.

Из больницы меня благополучно выписали, хоть пробыла я там не так уж и долго – моей жизни в любом случае ничего не угрожало. И пускай я не могла вспомнить, что происходило со мной до всего случившегося, с расспросами никто не приставал. Ни так называемая тётка, ни друг, ни врачи. Это поначалу казалось слишком странным. Я даже подозревала их в каком-то заговоре, но со временем все страхи и сомнения рассеялись. Наверное, потому что они относились ко мне с такими теплотой и заботой, что я просто не могла думать о них плохо. Не имела права.

По словам Марии, я окончила школу с хорошими оценками. И пускай нанятые тётей репетиторы помогли вспомнить основы школьных предметов, был ли смысл идти учиться в университет или колледж? Отец Миши с радостью принял меня на работу в семейную кофейню, аргументировав это тем, что им не помешают лишние руки, а мне не мешает эти руки занять. Может, я и позабыла события прошлого, но умом обделена не была. А ещё рядом находился Миша, который редко когда оставлял меня одну. И за это я благодарна ему.

– Ты сегодня даже раньше обычного. – В ушах звучат игривые Мишины интонации. Я спускаюсь по ступеням, на ходу подвязывая фартук на талии. – Неужели так сильно соскучилась по мне, что решила прийти пораньше?

Я спрыгиваю на пол, минуя две последние ступени, и поднимаю взгляд. Миша высокий, но плечи у него довольно узкие. Он проходится пятернёй по волосам цвета тёмного шоколада – кудри в вечном *творческом* беспорядке. Если честно, меня бесит эта неряшливость в его внешности, отчего я даже подарила ему расчёску, понадеявшись, что таким образом он начнёт следить за своей шевелюрой. Но, как оказалось, раздражал беспорядок только меня одну, так как остальные девочки с восторгом игрались с кудрями бедного Нефлянова и висли у него на шее. Такой уж он привлекательный.

Такие, как он, обычно идут в модели, или снимаются для глянцевого журналов, или украшают собой яркие статьи в интернете. И я не раз твердила ему, чтобы он попробовал пойти на какой-нибудь кастинг. Да начал бы с фотографий в социальных сетях, публиковать которые он совсем не собирался. Миша постоянно отмахивался, а потом отшучивался: «Тогда кофейня потеряет своё рекламное лицо, и сюда перестанут ходить клиенты».

Громко цокаю языком, замечая мелькающие смешинки в глазах напарника. Миша расплывается в кошачьей улыбке, сверкая зеленцой радужек.

– Конечно, Миш. Ворочаюсь каждую ночь, вспоминая твой бледный зад.

Миша хватается за сердце, корчась от фантомной боли настолько естественно, что я лишь закатываю глаза. Густые брови сдвигаются к переносице. Он болезненно шипит, но быстро бросает свою затею и начинает смеяться. Да так заразительно, что я сама тихо хихикаю в ответ, заплетая волосы в косу.

– Я могу приходить позже, но тогда ты будешь выполнять всю утреннюю работу сам. А я очень сомневаюсь, что ты захочешь марать свои «золотые» ручки, – тихо хмыкаю я, подходя к кассе, а после присаживаюсь на корточки, чтобы стащить с полочки тряпку для протирки столов. – Хотя если ты встанешь за кассу, то девушки сами будут класть деньги в твою раскрытую ладонь.

– Ну, это само собой. Я ведь хорош, а?

Не могу сдержать усмешки, откидывая голову назад, чтобы посмотреть на Мишу. Тот закатывает рукава своей тёмно-зеленой рубашки, подходящей под цвет его глаз. Обычный чёрный фартук, такой же, как и на мне, обвязан вокруг талии. Нефлянов имеет особую способность: всё, что он надевает, автоматически становится лучше и кажется красивее, чем на ком-то другом. Даже если он натянет на себя мусорный мешок, то будет выглядеть как первоклассная фотомодель.

– За твою самонадеянность мне хочется откусить тебе нос! – Миша усмехается в ответ на эту глупую угрозу, становясь около кофемашины и начиная готовить свою «железную малышку» к длительному рабочему дню.

Его пальцы пробегают по кнопкам, регулируя температуру воды. Он нажимает сбоку, открывая отсек, где обычно скапливаются все отходы, – на всякий случай проверяет и

задвигает обратно с тихим щелчком. Я наблюдаю за этой процедурой каждое утро, поэтому меня уже не удивляют отточенные до автоматизма действия напарника. Равно как быстрота и точность его движений.

Медленно выпрямляюсь, промывая тряпку под краником, и выхожу в зал, чтобы протереть столы. Обычно мы убираемся до закрытия, но каждое утро я всё равно прохожусь мокрой тканью по деревянным поверхностям – на это уходит не так много времени, да и мне несложно. Не собираюсь просто так слоняться по кофейне.

Обратно я возвращаюсь через пару минут, чтобы снова промыть тряпку, выжать её и бросить на батарею сушиться. Вытираю влажные руки о полотенце и медленно двигаюсь в сторону ноутбука, задумчиво кусая губу и перебирая в голове ряд композиций. Первая песня всегда задаёт настрой на рабочий день.

– Диджей Морозова сегодня радует вас треками. Что хочет послушать ранним утром молодой человек в чёрном фартуке? – игриво тяну я, оборачиваясь к Мише через плечо, – он беззвучно смеётся.

– О, Сел, ты слишком хорошо знакома с моим музыкальным вкусом, – говорит из своего угла Миша. – Что насчёт *Lost in Japan*?

Нужный трек находится довольно быстро, и помещение заполняет приглушённая музыка – не всем посетителям нравятся громкие звуки, поэтому песня скорее идёт фоном.

После того как я пришла в себя, Миша открыл для меня мир музыки. Я ведь и подумать не могла, что слова, вложенные в песню, или просто мелодии заставят что-то внутри трепетать. С тех пор меня часто можно видеть в наушниках. Иногда я слушаю спокойную музыку, льющуюся плавно и медленно, она меня успокаивает. Под такую не плясать хочется, скорее наслаждаться ею. А иногда, когда настроение прыгает буквально до потолка, я отдаю предпочтение громкой и заводной, танцуя как никогда. Мне нравится это чувство: звук будто окольцовывает, сжимает в своих объятиях, превращая мир вокруг в калейдоскоп различных цветов и эмоций.

Раздается первый звон колокольчика над дверью, кофемашина жужжит, аромат кофе проникает в самые дальние уголки. О, этот запах я люблю, наверное, больше всего на свете. Иногда, обычно в конце дня, от него немного кружится голова, но он никогда не раздражает. Я люблю вдыхать этот аромат полной грудью, хотя сам напиток терпеть не могу. Меня каждый раз передёргивает, когда утром Миша пробует его на вкус, проверяя качество зёрен. Я предпочитаю что-то сладкое, а кофе всегда неприятно горчит на языке.

Осторожно ставлю чашку с капучино на плоский поднос, покрытый матовым лаком. На молочной пенке Миша нарисовал замысловатый рисунок – кажется, это котенок. Рядом – блюдечко с чизкейком и маленькая ложечка. Кладу поднос на раскрытую ладонь, направляясь к одному из столиков около окна. Лучи солнца блестят в рыжей копне волос посетительницы.

– Ваш заказ, – протягиваю я, ставя на небольшой круглый столик сначала чашку, а затем и лакомство. – Приятного аппетита.

Спешно возвращаюсь за кассу. Упираюсь ладонями в стойку и, убеждаясь в том, что на подходе никого нет, поворачиваюсь к Мише, чуть щурясь.

– И как прошло твоё вчерашнее свидание? Она сбежала от тебя с криками или была так очарована, что не смогла вымолвить ни слова? – Губы сами собой растягиваются в улыбке.

– О, нет. Она не сводила с меня взгляда целый вечер. Мне никогда не было так неловко, – выдыхает Нефлянов, поджимая губы. – Смотрела на меня как на чёртово божество! И всё-

таки это была плохая идея – зарегистрироваться в «Тиндере». Я больше не участвую в твоих авантюрах. – Миша наигранно грозит мне указательным пальцем, чем только вызывает у меня смех. – Нет, Сел. Я серьёзно. Это было максимально странно. Она буквально заглядывала мне в рот.

– Тебе давно пора привыкнуть к тому, что девушки тебя обожают. – Я пожимаю плечами, отбивая замысловатый ритм пальцами по поверхности стола. – Это должно быть вроде как... приятно?

– Только если у девушек не текут слюни по подбородку. – Он щёлкает пальцами, кивая куда-то мне за спину.

Колокольчик над дверью негромко звякает. Разворачиваюсь, тут же натягивая на лицо идеально натренированную улыбку. Струящиеся вдоль плеч светлые локоны незнакомки – первое, что бросается в глаза. На ней хорошо сидят чёрное платье чуть выше колен и такого же цвета пальто.

– Добро пожаловать. – Вскидываю подбородок, продолжая дружелюбно улыбаться. Взгляд заинтересованно скользит по посетительнице, цепляясь то за пухлые губы, что растянуты в полуулыбке, то за румяные щёки. Она довольно симпатичная.

Она не выглядит так, как большинство людей ранним утром. Зелёные глаза, совершенно не похожие на Мишины, обрамляют пушистые чёрные ресницы, взгляд же блуждает по каждой детали кофейни, словно пытаюсь запечатлеть в памяти всё до мелочей. До тех пор, пока её глаза не останавливаются на мне. Я напрягаюсь. Что-то в чертах её лица, во взгляде, мне знакомо. Что-то давно забытое, слишком далёкое, чтобы я смогла дотянуться до этого воспоминания.

Незнакомка вмиг оказывается около кассы, просматривая предложенное меню.

– Эспрессо, пожалуйста. – Её взгляд ненадолго задерживается где-то за моей спиной – я сразу догадываюсь, что смотрит она, скорее всего, на Мишу.

Вот только если обычно я вижу в глазах посетительниц плохо скрытый восторг, то здесь сквозят обыденность и холод, словно внешность Нефлянова не удивляет её, и она видит симпатичных мужчин буквально на каждом шагу. Или она с ним уже знакома.

Быстро киваю и звучно начинаю стучать пальцами по клавишам сенсорного аппарата. Машинка за спиной снова жужжит. Я протягиваю девушке сдачу, но та отрицательно мотает головой.

– Оставьте себе. – Незнакомка вновь с преувеличенным интересом начинает изучать моё лицо. – Я могу присесть?

– Да, конечно. Куда пожелаете, – спохватываюсь я, сжимая пальцы на шуршащей банкноте.

Она кивает и, постукивая каблук сапог, направляется к одному из столиков в дальнем углу зала, пока я аккуратно складываю купюру и растерянно оглядываюсь на Мишу. От цепкого взгляда моих глаз не скрывается напряжение Нефлянова. Его пальцы, до этого лёгкие и проворные, постоянно промахиваются мимо кнопок. Он даже чуть не роняет чашку на пол. И двигается... как-то зажато.

– Это что, твоя бывшая? – интересуюсь я, облачаясь спиной о стену рядом с кофемашиной. – Если что, могу «случайно» разлить кофе ей на платье или голову.

– К твоему счастью, она не моя бывшая, – пожимает плечами Миша, переводя зелёные глаза на меня. – Более того, я её впервые вижу.

– Никогда раньше не видела её. Но лицо у неё какое-то знакомое. – Мой голос

становится тише, чтобы девушка точно не услышала нашего разговора. – Такое странное ощущение дежавю, что мне как-то неловко. Даже тошнит немного.

– Только попробуй запачкать мои туфли, – хохочет напарник, вмиг меняясь в лице. – У тебя разве нет проблем с памятью? – не может удержаться от колкости Нефлянов, на что я закатываю глаза. – Тебе просто показалось. Может, она какая-нибудь актриса или модель. А может, и то и то одновременно.

Складываю руки на груди, растерянно смотря на незнакомку, что сидит к нам боком. Её взгляд устремлен на пыльное окно кофейни – за ним по оживлённой магистрали проезжают машины, а у пешеходных переходов толпятся прохожие. Девушка закидывает ногу на ногу. Вяло, без особого интереса она наблюдает за происходящим, думая, кажется, о чём-то своём. Предложенный Мишей вариант... правильный, но что-то внутри меня протестует.

– А, насчёт памяти. Я отлично помню, как в прошлую пятницу врала твоему отцу, что ты вовсе не пьян, хотя всё указывало на обратное, – хмыкаю я, хитро щуря глаза.

Миша смеётся, передавая мне чашку, и кивает в сторону светловолосой посетительницы. Я же открываю шкафчик со сладостями и щипцами хватаю ванильное печенье – незнакомка отдала купюру высокого номинала, так что... можно угостить её чем-нибудь за её же собственные деньги.

Выставляю всё на поднос, не забывая налить в стакан обычной воды, и выскальзываю из-за стойки, приближаясь к интересующей меня клиентке. Та неотрывно продолжает смотреть в окно. И правда красивая, с какой стороны ни посмотри. Но красота её не вяжется с этим миром. Слишком она... странная?

– Ждёте кого-то? Или, может, наоборот, не желаете с кем-то пересечься? – осторожно интересуюсь я, выставляя заказ на стол.

Она едва вздрагивает и переводит взгляд на меня. Лёгкий испуг моментально исчезает из её изумрудных глаз. Пухлые губы украшает не то улыбка, не то усмешка. Девушка мотает головой, ничего при этом не отвечая.

Видя, что говорить она не настроена, я удаляюсь за стойку.

– Очень рад, что пьяный я стимулирую твою память. – Весёлый голос друга вырывает меня из раздумий, стоит нам пересечься взглядами. – Вообще-то у меня есть для тебя заманчивое предложение.

– Напомнить, что случилось в прошлый раз? Я могу сразу ответить *нет*?

– Заткнись и просто послушай меня. – Миша понижает голос. – Сегодня вечером мы собираемся в «Кристалл». Я каждый раз предлагаю тебе пойти с нами и каждый раз получаю отказ.

– Тётя считает это плохой идеей. Да и мне как-то... как-то странно находиться в компании твоих друзей. В клубе будет много народу, а ты знаешь, что это меня пугает, – опускаю взгляд на носки своих чёрных балеток, – и что я сторонюсь большого скопления людей. Я могу заблудиться там или... Пусть и прошло уже шесть лет, но меня постоянно преследует чувство следящих за мной глаз.

– Я буду рядом, не о чем переживать, – произносит Миша. – Тем более мои друзья не доставят неприятностей. Если захочешь уехать, то я отвезу тебя домой, клянусь. – Он поднимает руку на уровень груди, ладонью ко мне. – Клянусь, что не выпью ни капли алкоголя и не стану игнорировать тебя. Не всё же время сидеть дома? В четырёх стенах с тётей, смотря какие-нибудь глупые шоу! Это ужасно. Да и не только же со мной тебе дружить.

– Боже, Миша. – Подаюсь вперёд, обхватывая тёплые ладони Нефлянова. – Я не помню восемнадцать лет своей жизни. Не помню, с кем общалась, что любила есть и какой фильм готова пересматривать до тошноты. Всё, что я помню, это... холод. Поэтому не осуждай меня, – тише обычного шепчу я. – Но я пойду с тобой, если ты не дашь своим друзьям сожрать меня с потрохами.

– Ты считаешь моих друзей какими-то извергами? – Миша опирается ладонью о стол, наигранно-удивлённо поднимая брови. – Ладно-ладно. Я не отдам им тебя на растерзание, только пойдём.

– Хорошо. Но за последствия отвечаешь ты. Головой.

Он удовлетворённо кивает, словно китайский болванчик, и я улыбаюсь.

– Так точно!

Колокольчик снова звенит, заставляя нас прикусить языки и приняться за работу. А зелёные глаза всё продолжают следить за мной из угла кофейни.

2 глава

Селена

Кто-то смотрит на меня. Моя кожа полыхает от этого пронзительного взгляда, и я тут же верчу головой, пытаюсь поймать преследователя с поличным. Даже когда захожу в автобус, всё ещё чувствую этот пронизывающий взгляд. Но пассажиры смотрят в экраны своих телефонов или дремлют, упираясь головой в стекло. Никому до меня нет дела, но это чувство...

Вздрагиваю и чуть повожу плечами, ощущая ноющую боль в левой лопатке. Она болит почти всегда, когда меня настигает чувство, что за мной следят. Я рассказывала об этом и тёте, и Мише. Они оба дружно и очень складно твердят, что это не более чем остаточное явление после моего ночного путешествия, приведшего меня к озеру. Нефлянов говорит, что мне просто нужно расслабиться и забыть об этом, тогда не будет плохих снов и ноющих лопаток. Но разве я могу?

Автобус останавливается на светофоре. Не отрываюсь от окна, всматриваясь в наступающий мрак. Тёмная пелена накрывает город неожиданно и резко. Загораются фонари, слепят фары автомобилей. Скольжу взглядом и замечаю какое-то пятно – оно немного темнее остального окружения. Прямо на крышу рядом стоящего автомобиля грациозно и величественно опускается птица. Подаюсь вперёд и вижу ворона. Его взгляд пересекается с моим, и в золоте его глаз отражаюсь я. Золотые глаза... разве у ворон бывают золотые глаза?

Хочу пододвинуться, чтобы рассмотреть птицу во всех деталях, но стоит мне моргнуть, как таинственное животное пропадает. Чёрные ухоженные перья и золото глаз. Разве это городской ворон?

Я растерянно смотрю на колени, поджимая губы. Последние пару дней со мной и всем вокруг происходило слишком много странного: эта женщина в кофейне, чувство постоянной слежки и ворон. Стоило мне только подняться на ноги, как меня немного пошатнуло в пришедшем в движение автобусе. Я хватаюсь за поручни и медленными шагами следую к

дверцам выхода. Тут же спрыгиваю со ступенек, скрываясь за навесом автобусной остановки.

Наш с тётёй дом стоит совсем недалеко от места моей работы – достаточно получаса, если идти быстрым шагом. В случае дождя, как сегодня, всегда есть вариант сесть на общественный транспорт. Только я люблю такую погоду, да и перспектива вымокнуть до нитки никогда меня не пугает. Правда, автобусом всё равно приходится воспользоваться.

Вытягиваю руки из-под навеса, ловя ладонями прохладные капли. С того момента, как я пришла в сознание, вода влечёт меня к себе – я предпочитаю думать, что всё из-за того, что меня нашли на берегу озера. Например, я могу подолгу сидеть в ванне или бассейне, держать руки под струями воды из-под крана на кухне. А иногда просто смотреть на нее. Прошлым летом, когда мы с тётёй поехали за город, я целый час просидела на берегу и наблюдала за тем, как мирно течёт река.

Опираясь ладонью о дверь, вновь смотрю на улицу. Не сказала бы, что у нас дружелюбные соседи. Слева живёт бабулька, обиженная на весь мир. Она начала шипеть и обходить меня стороной сразу после того, как узнала, что я была одной ногой в могиле. Справа обитает небольшая семья: мужчина работает адвокатом, а его дочь младше меня на четыре года. Лишний раз пересекаться с вредной соседкой и этими, вроде-бы-нормальными, у меня нет ни желания, ни настроения. Все в округе косятся на меня так, словно я чужачка, и даже не здороваются.

Поворачиваю ключ в замочной скважине, а затем подталкиваю дверь бедром. В стенах дома всегда приятно пахнет. Тётушка любит и умеет готовить, а ещё просто обожает баловать свою племянницу чем-то вкусным. Я вдыхаю тёплый после промозглой сырости улицы воздух. Блаженно прикрываю глаза, бесшумно захлопывая за собой дверь. Максимально тихо: так, чтобы Мария, которая наверняка готовит очередной кулинарный шедевр, не услышала. Быстро стягиваю с плеч пальто, вешая его на настенный крючок, и скидываю кеды, ступая по полу в одних носках. Поворачиваю в сторону кухни, опираюсь плечом о дверной косяк.

Тётушка небольшого роста – ей даже приходится приподниматься на носочки, чтобы достать с верхних полок баночки, пакетики или посуду. Волосы у неё тёмно-русые, кудрявые. Глаза у Марии цвета оливок. Ещё одной отличительной чертой является поспешная, иногда неразборчивая речь. И говорит она не столько быстро, сколько много. Хотя именно эта болтовня и спасала меня первое время. Отвлекала.

– Здравствуй, тётушка. – Стоя за её спиной, я чуть склоняюсь вперёд. – Ты что, опять что-то готовишь? Запах умопомрачительный.

Женщина тепло смеётся, переводя взгляд оливковых глаз на меня. Вокруг них пролегают неглубокие мимические морщины. Её руки по-матерински ложатся на мои плечи, оглаживая их, а потом приобнимая.

– Как твой день? Надеюсь, всё хорошо. Сегодня то и дело моросит дождь. Ужас! – говорит тётушка, устало выдыхая. – Удивительно, как только ты не вымокла до нитки. Чудеса! – бормочет Мария, помешивая содержимое кастрюли деревянной ложкой.

– Да, я скучала по таким дождям. – Отхожу от Марии в сторону небольшого выдвижного шкафчика – там лежат сладости. – Хотела тебя предупредить: Миша предложил сегодня сходить с ним и его друзьями в клуб. Я подумала, что... – Задумчиво верчу между пальцами шуршащую обёртку конфеты, не решаясь развернуть сладость и отправить её в рот.

– Подумала, что было бы неплохо развеяться? Иди. Я буду только рада, если ты хоть чуть-чуть развлечёшься. – Женщина накрывает кастрюлю крышкой, поворачиваясь ко мне. –

Единственное моё условие: не задерживайся допоздна и будь осторожна. Особенно с друзьями Миши. И не пей много. Зная Мишу, я верю, что он не спустит с тебя глаз. Но не увлекайся. Я могу быть спокойна?

Мои губы растягиваются в улыбке, и я киваю. Пальцы избавляют конфету от обёртки, и я закидываю сладость в рот. Блаженно прикрываю глаза, катая кругленькую шоколадную конфету языком. С недавних пор сладости стали для меня отрадой. Особенно шоколад. Обычно я кладу квадратик молочного шоколада себе под язык, дожидаясь, когда он растворится до самого конца, и тогда рот обволакивает этот неповторимый вкус. Выбрасываю фантик в мусорное ведро, направляюсь в коридор, где находится лестница на второй этаж. Пока поднимаюсь по скрипящим ступенькам, шоколад медленно тает.

Наша маленькая семья не живёт бедно, но и назвать нас богатыми язык не повернётся. Даже несмотря на средний заработок, комната у меня небольшая. Тут умещаются лишь полутороспальная кровать, шкафчик для одежды и стол со стулом. Но я не жалуясь. Меня ничего не смущает, да и здесь намного уютнее белых больничных палат.

Откидываю сумку в сторону, падая на постель. Мне тяжело свыкнуться с жизнью без воспоминаний. Стоит задуматься о том, что моя память осталась где-то там, в водах озера, как внутри растёт пустота. Пробовала ли я расспрашивать Марию и Мишу про собственное прошлое? Да – и даже не единожды. Тётя тут же меняет тему разговора, а Миша просто отшучивается. Моментами бывает совершенно невыносимо: словно кошки скребут своими острыми когтями по рёбрам. Раздирают кожу и кости изнутри. Это почти больно. Первое время мне вообще было тяжело есть и спать.

И даже мои сны какие-то *неправильные* и *странные*. Вокруг темнота, да и только. Каждый раз я оборачиваюсь, но вижу лишь продолговатый стол и два стула в круге света – на одном из них сидит он. Я подхожу ближе, как и в остальных своих снах. Это мужчина. И пускай его лицо скрыто капюшоном плаща, а силуэт прячется за мешковатой тканью, я вижу его руки. И этого достаточно.

Открываю глаза, упираясь взглядом в потолок. Стоит мне прикрыть веки, как я вижу его силуэт. И тогда внутри у меня что-то натягивается и рвётся, а в левой лопатке что-то жжёт и покалывает. Во снах и коротких видениях я постоянно тяну руки к незнакомцу, но просыпаюсь до того, как мои пальцы касаются чёрной ткани. Он каждый раз ускользает от меня. Этот незнакомец существует лишь в моих снах, просто фантом. Ошибка моего больного разума. Но с каждым его появлением в моих снах мне всё тяжелее и тяжелее его отпускать.

Я поднимаюсь со своего нагретого места и в пару шагов дохожу до рабочего стола, выдвигая самый верхний ящик. Там я храню небольшой блокнот, в котором записываю и зарисовываю свои короткие сны, не желая забывать их. Да и интерес к личности того мужчины пожирает меня изнутри. Блокнот обычный, чёрного цвета. Я открываю страничку с закладкой. Вчерашний сон и портрет мужчины в капюшоне – все эти рисунки мало отличаются друг от друга. Но я свято верю, что это поможет разгадать мою маленькую тайну.

Двадцать четвёртое ноября.

Комната тёмная. Эта темнота, будто осязаемая, холодит кожу. Так, что вдохнуть лишний раз почти невыносимо. Я буквально ощущаю самыми кончиками пальцев ласку тьмы.

В середине стоит стол. В этот раз он завален открытыми книгами и

скрученными пергаментами. Увы, буквы смазываются, и я не могу разобрать ни слова. Но вот что я замечаю: книги старые. Потрёпанные, с пожелтевшими страницами. Некоторые обтянуты кожей, обложки инкрустированы камнями. Уверена, они драгоценные.

Мой милый фантом снова располагается на стуле, а я сажусь напротив. О, я всегда поражаюсь его длинным и аккуратным пальцам. Готова наблюдать часами за тем, как перо крутится между указательным и средним или как он переворачивает страницу книги.

Вглядываюсь в лицо под капюшоном, но там лишь непроглядная темнота. Какое же оно у него? Вытянутое, острое или округлое? А глаза: голубые, зелёные, карие? Взгляд пронзителен или мягок? Длинные ли у него волосы? Или короткие? Светлые? Тёмные? Жёсткие, как солома? Или мягкие, как шёлк? Хочу подскочить, скинуть с него капюшон и наконец увидеть его лицо. В этот раз от напряжения даже прокусываю щеку, так как утром во рту чувствую металлический привкус.

В итоге я не выдерживаю. Касаюсь его – точнее, пытаюсь. А потом подсакиваю на постели.

В этот раз он какой-то напряжённый.

Просыпаясь, я каждый раз возвращаюсь к старым записям, перечитываю их, а затем сажусь за новые. Это помогает мне наблюдать за снами со стороны, словно я – зритель в театре. И вот что я заметила: последнюю неделю этот фантом... выглядит отрешённым. У него появляются привычки до хруста заламывать пальцы, кусать кончик пера и отбивать незамысловатый ритм пальцами. Он начинает казаться мне живым. И тогда я задумываюсь: а есть ли кто-то «на той стороне»? Кто-то, кому я снюсь в таком же чёрном капюшоне? Кто-то, кто не может коснуться меня?

Провожу ладонью по строкам, обводя кончиком указательного пальца каждую букву. Особое внимание уделяю тем моментам, где упоминаю про него. Как-то мне пришлось поделиться с тётушкой этими таинственными снами – это было в самом начале. Она только посмеялась, но я почувствовала в этом смехе какую-то нервозность. «Глупость. Всё это глупости», – так она сказала. Однако каждое утро она интересовалась моими ночными видениями, и тогда-то я перестала о них упоминать. Убеждала её, что мне снятся самые обычные, не связанные друг с другом сны. И даже завела второй блокнот, куда записывала эти самые придуманные сны.

Захлопывая блокнот, кидаю его за спину. Слышу глухой стук – по всей видимости, моя книжечка врезалась в стену. Откидываюсь на спинку стула, прижимая ледяные ладони к лицу. Мне необходимо подремать хотя бы час, чтобы вечером не свалиться с ног.

Поднимаюсь со стула и потягиваюсь. А потом заваливаюсь поперёк постели так резко, что деревянные перекладыны и ножки жалобно скрипят. Поворачиваюсь на бок, поджимая колени к животу. Я не боюсь этих снов, нет. Но меня пугает тот факт, что я не всегда понимаю, что всё мне лишь снится.

* * *

Холод покалывает в пальцах ног. Слышу собственный стон и медленно открываю глаза.

Встаю, упиравшись ладонями в пол и кряхтя, как наша соседская старушка. Сесть получается не сразу: что-то сдавливает горло, из-за чего невозможно сделать лишний вдох. Меня словно чем-то придавило к полу. Левая лопатка пульсирует. Это место болит достаточно часто, но сегодня эта боль кажется невыносимой. Всё-таки сажусь, не чувствуя под собой мягкости постели. Наверное, так сильно ворочалась, что упала на пол и ушиблась спиной. Но тогда пришла бы тётя... значит, это сон.

Оборачиваюсь, щуря глаза. Всё тот же тёмный длинный стол. С каждым появлением здесь моё желание пустить этот чёртов стол на дрова возрастает всё больше. И плевать на резные ножки, на красивый цвет и на идеальный блеск лака. На гладкой поверхности ни книг, ни свёрнутых в трубочку пергаментов. Да и стул, обычно занятый, пустует. Я вся внутренне напрягаюсь – слишком непривычная картина для этого места.

Неспешно подхожу к столу, касаясь пальцами поверхности. Ещё один факт, который поражает меня в этих снах: я всегда чувствую холод, шероховатости и тепло от огня свечи, которая обычно стоит на столе. Сейчас эта свеча не горит, но темнота не такая уж непроглядная. Наверное, это какая-то неправильная темнота. Правильная должна пожирать всё вокруг, не давать глазам уловить очертания предметов. Правильная тьма любит шутить. Ей приятно, если вы врежетесь в стену или случайным взмахом заденете вазу, которую точно так же, как стену, просто не увидите. Но здесь тьма, пускай и кусающая холодом за пальцы и пятки, другая. Она манит, как бы страшно ни было это признавать. К ней хочется протянуть руки, потрогать – будь она осязаема, я бы так и сделала.

Подхожу к своему месту, опускаясь на стул. Обычно здесь лежат карандаш и парочка листов бумаги. Я рисую. Не всегда сидящий напротив фантом – иногда беру что-то из головы. Было дело, что рисовала Мишу, тётю или посетителей кофейни, которые забежали на пару минут, но их образы отложились в памяти. Но бывают дни, когда мне точно не до каракуль; тогда я просто хожу по комнате и разговариваю. Конечно, «друг» не слышит моих слов и никогда не отвечает. И, возможно, со стороны я выгляжу как сумасшедшая. Мне как-то всё равно.

Я даже не могу сказать, сколько точно времени здесь провожу. Часы отсутствуют, а полагаться на собственные ощущения – глупо.

Подскакиваю, подходя к стоящему напротив стулу. Уже не раз и не два я просыпалась, стоило мне оказаться тут. Чем ближе ко мне фантом, тем жарче желание протянуть к нему руки, так что подолгу я не задерживаюсь. Стоять тут дольше минуты как-то непривычно. Кладу руку на спинку. Удивительно, но даже стул отличается от того, на котором сижу я. Спинка у него высокая, с вырезанными на дереве рисунками. У этого стула даже есть подлокотники, а ножки представляют собой лапы льва или кого-то из семейства кошачьих. Провожу пальцами по резным узорам, как заворожённая. Смотря на подобные стулья в музеях или на иллюстрациях, я думала, что на них неудобно сидеть. Весь этот рельеф упирается тебе в спину, и ты даже не можешь толком расслабиться. Сесть и опробовать на себе я так и не решаюсь.

– Селена.

При звуке голоса, эхом прокатывающегося по комнате, я взвизгиваю и отскакиваю. Сердце стучит так быстро, что этот стук в ушах ненадолго оглушает меня. Даже не сразу соображаю, что мне стоило бы обернуться. Прижимаю холодные пальцы к груди, пытаюсь успокоиться.

– Извини, если испугал тебя.

Застываю на месте. Дыхание уже не учащённое, потому что я просто не дышу. Я впервые слышу его голос – я почти уверена, что это именно ЕГО голос. Приятный, чуть низкий, но при этом не грубый, не пугающий, не режущий слух. И говорит он медленно, немного растягивая последние гласные. Так разговаривают с загнанным в угол зверем. Возможно, я сейчас так и выгляжу: зажата в углу мышь. А кто тогда он? Хищный кот?

Он чувствует мой страх, потому что я чувствую его недобрую усмешку спиной. Он читает меня как открытую книгу, и ему даже не приходится переворачивать страницы.

Я могла бы обернуться. Может, он снял капюшон? Может, он раскроет свою личность? Прикусываю щеку, но, несмотря на кипящий внутри интерес, не оборачиваюсь. Сжимаю в пальцах ткань футболки – просто чтобы унять тремор.

– Не подходи ко мне. – Сама поражаюсь тому, как низко зазвучал мой голос.

Почти шипящий, хриплый. Наверное, я дрожу, поскольку слышу подрагивающие нотки в этих четырех словах. Фантом испускает короткий смешок, и все мышцы на спине напрягаются. Возможно, он сейчас смотрит на меня пронзительным взглядом серых-голубых-зелёных-карих глаз? Или насмехается?

Слышу шуршание одежд и тихие шаги. В тот момент я пытаюсь не закричать, хотя крик встаёт поперёк горла. Становится страшно. Я уже прошерстила весь интернет на тему случаев смерти во время сна. А что, если так и умирали эти люди? К ним приходил незнакомец в тёмном плаще, а затем решал устроить самосуд?

– Я не причиню тебе вреда. – Его уверенный голос внезапно ломается. – Конечно, ты напугана. Согласен, обстановка не располагает к разговору.

И я тут же перестаю ощущать холод. Сначала моё лицо обдувает приятной прохладой. Нервно втягиваю воздух ноздрями и улавливаю аромат цветов и только что скошенной травы. А затем, как бы странно и абсурдно это ни звучало, тьма замирает. Больше не чувствую её шевеления, она отступает.

Отрывая взгляд от поверхности стола, не могу сдержать восхищённого вздоха. Тьма превратилась в пушистые облака – они разошлись в стороны и открыли моему взору светло-голубое небо, гравийные дорожки, деревья и до неприличия много цветов. Это место не похоже ни на одно из того множества парков и скверов, в которых я гуляла с Мишей, но всё равно кажется мне жутко знакомым.

– Ты знаешь, что это за место?

Теперь голос совсем рядом; я буквально чувствую спиной движения его хозяина. Затаиваюсь и вслушиваюсь. Он дышит медленно, расслабленно и попыток приблизиться пока не принимает. Наверное, у него царственная походка – хотя судить о походке по одному лишь голосу невероятно глупо. Но если я трясусь, то он – наоборот. Слова произносит чётко, почти чеканит. Как будто готовится отдать приказ.

– Нет.

И снова шелест плаща. Вот только теперь я одумываюсь тогда, когда тёмная ткань почти касается моей спины. Зажмуриваюсь: не хочу оборачиваться и смотреть на него, не хочу, чтобы он уходил так скоро. Хочу слышать его голос. Хочу слышать его смех. От этих мыслей в горле оседает стон. Я ведь даже не смогу ни с кем этим поделиться. Во мне перемешиваются два чувства, они спорят между собой. Страх и интерес. Интерес и страх.

Мужчина наклоняется, но всё ещё не касается меня. Замираю, потому что он стоит слишком близко. Я бы даже сказала, опасно близко. Дёрнешься немного влево или вправо, и

этот образ исчезнет. Растворится во тьме, а я проснусь. И пропадут тепло и аромат цветов. Пропадёт магия.

– Найди меня, Селена. – Голос елейный, проникающий под кожу. – Слышишь? Найди меня. Я смогу помочь тебе. Ты сможешь довериться мне, как никому другому.

И я не успеваю спросить: «Кого же именно мне необходимо найти?», потому что лицо мужчины стремительно оказывается вблизи моего уха. Чувствую слабый укол в ушной раковине и, в противоположность ему, обжигающую боль в лопатке. В долю секунды вокруг меня сжимается тьма, так стремительно, что я едва успеваю вздохнуть и выпустить на волю сиплый крик.

* * *

«Найди меня».

Завязываю спереди у кофты шнуровку, накидывая поверх кожанку. Он так это сказал... так, что у меня сжалось сердце. И внутри вдруг стало тепло и холодно одновременно, как в лихорадке. Мне захотелось потянуться к нему – и это всё чары его голоса.

«Я смогу помочь тебе».

Тихо стону, опускаясь на кровать и упираясь локтями в колени. Прикрываю лицо ладонями. Разве можно найти того, кто тебе столь долгое время снится? О, если бы я только знала, кто он, я бы бросилась со всех ног на поиски!

Как это безумно и глупо.

«Ты сможешь довериться мне, как никому другому».

От этих слов мурашки решают устроить забег по моей коже: от пяток до загривка, задевая самые отдалённые, хорошо спрятанные нервные окончания. А в животе что-то трепещет – наверное, пресловутые бабочки.

Селена. Моё имя, произнесенное его голосом, звучит ещё необычнее. Я прокручиваю его слова в голове каждую секунду. Не могу взять себя в руки даже для того, чтобы записать сон в блокнот. Если начну вспоминать детали, просто сойду с ума. Его голос эхом звучит в моей голове, а иногда так чётко, что я судорожно оборачиваюсь в надежде увидеть чёрный плащ. В надежде услышать то, как он вновь и вновь произносит моё имя.

«Селена».

Он произнёс его с теплотой. Даже Миша и тётя не произносят его так. Надо было обернуться, а не стоять столбом. Ну что за трусиха! Надо было спросить у него хоть что-то! Разузнать, как его найти.

Мой телефон издаёт слишком резкое и громкое пиликанье: вздрагиваю, опасливо поглядывая на лежащий рядом мобильник. Миша уже подъехал, и пускай предвкушение перед походом в клуб – как и желание туда идти – исчезло, я не могу теперь отказаться. Подхватывая телефон, поднимаюсь с кровати. Снимаю лямку сумки со стула, закидываю её себе на плечо и выхожу из комнаты.

Я ничего не скажу ни тётке, ни Мише. И даже мой блокнот не узнает о сегодняшнем сне. Я сохраню его голос в своей голове. Только для себя.

Холод забирается под куртку и кофту. Наверное, было слишком опрометчиво одеваться так легко. Ноябрь выдался на удивление холодным – особенно по сравнению с прошлым годом. Миша не переставая бубнит что-то про слякоть и километровые лужи. А ещё каждое утро вспоминает прошлую осень: тёплую и сухую. А вот меня всё устраивает. Дождь идёт всю последнюю неделю без перерыва. Меня не оторвать от окон. Такая погода всегда приносит мне радость. Вот только сегодня радости я испытываю мало, даже если дождь льёт как из ведра – причём ведро это совсем не маленьких размеров. Я думаю о своём сне. *Я не могу перестать думать о своём сне.*

Упираюсь локтем в пассажирскую дверь. Подношу палец ко рту и чуть прикусываю фалангу, скользя взглядом по мерцающим вывескам магазинов и проносящимся рядом автомобилям. Этот сон не даёт мне покоя, а голос из него я повторяю в голове, как молитву. «Селена». «Я смогу помочь тебе». «Ты сможешь довериться мне, как никому другому». Стискиваю зубы на пальце чуть сильнее – до ощутимой боли. Сама не знаю зачем. И этот ворон. Можно ли эти вещи связать? Или это просто совпадение?

– Ещё немного, и откусишь, – отдалённо слышу Мишу и выпускаю палец из тисков, поворачивая голову в сторону Нефлянова. – Что-то случилось? Мне казалось, ты была рада возможности выбраться, а сейчас притихла. Переживаешь?

Мгновенно натягиваю на лицо легкую улыбку, которой меня учили встречать гостей кофейни, старательно пытаюсь вытравить из взгляда замешательство и растерянность. Подпираю щеку ладонью, обманчиво-задумчиво прикусывая губу.

– Всё хорошо. Я после смены задремала немного. Сам знаешь, это ощущение сонливости и вялости убивает весь хороший настрой. – Откидываюсь на спинку кресла, переплетая пальцы. – Да ничего особенного не случилось. Переживать уж точно не стоит. Хотя, наверное, да. Я всё-таки переживаю самую малость.

Миша испускает смешок, косо смотря на меня. Нефлянов улыбается, и я замечаю ямочки на его щеках. Он указывает мне на мою нервозность и растерянность, хотя сам не лучше. Пальцы то и дело отбивают ритм по ободку руля, а глаза бегают, выдавая его эмоции.

– Тебе не стоит бояться моих друзей. Они не коршуны, Сел. И есть тебя не собираются. – Миша моментально возвращает всё своё внимание дороге. – Расслабься. Знаю, для тебя это что-то из разряда фантастики, но хотя бы сегодня, Селена, – расслабься. И прошу, не отходи от меня далеко. Твоя тётя строго-настрого сказала мне следить за тобой.

«Селена».

Отворачиваюсь и жмурюсь. Он сказал это голосом мужчины из снов – не своим. Хочется прижать ладони к ушам и сильно закричать, чтобы этот голос больше не звенел в моей голове. Как будто проклятие.

Илья, Ирина и Настя – небольшая компания, с которой общается Миша. И если девочки всегда радушно принимают меня, то Илья... до чего же он противный. Один из тех, кто постоянно отпускает сальные шуточки и раздражает этим. Как только Миша может с ним общаться? Илья часто заглядывает под конец смены в кофейню – удивительно, как он постоянно оказывается поблизости. В такие моменты я либо убираю зал, либо скрываюсь наверху. Сегодняшним вечером мне просто нужно его игнорировать.

Машина поворачивает, почти приехали. Отрываюсь от рассматривания собственных

ногтей и охаю: Миша выбрал одну из красивейших дорог. К клубу ведёт множество более невзрачных подъездов, но этот... «Кристалл» всюду окружают клубы, бары и кафешки с ресторанами. Целая улица отдана под всевозможные развлечения, и это словно отдельный мир. Я даже немного жмурюсь от яркого, ослепляющего света фасадов. За стёклами танцуют девушки в весьма откровенных нарядах. Мерцают тысячи огней. Каждый клуб – разная тематика, мир в мире. Миша говорит, что и в «Кристалле» проводят различные тематические вечера.

– Как красиво, – шепчу я тихо, замороженно – я уже была здесь прежде, но днём.

Боковым зрением вижу, как Нефлянов улыбается, пока я выпрямляю спину и подаюсь вперёд, упираясь ладонями в панель. Он сбавляет скорость: хочет, чтобы я рассмотрела всё как можно лучше. Красоту зданий, всевозможные подсветки, проезжающие мимо автомобили. Мне кажется, что сердце пропускает удар. Сама не понимаю как, но эта красота, игра света делают своё дело. Я и правда расслабляюсь, улыбаюсь и даже смеюсь. Сон уходит куда-то на второй план. Голос уже не грызёт своими острыми зубками мозг.

Миша паркуется чуть подалее от входа в «Кристалл», но я совсем не против немного пройтись. Нам удивительно везёт – пустое парковочное место.

В «Кристалл» можно зайти несколькими способами: как VIP-гость в отдельный вход, ведущий сразу на второй этаж; как обычный человек, но тогда вам весь вечер придётся провести на танцполе; и, как бы я это назвала, «VIP наполовину», потому что не могу придумать названия этой категории гостей. По словам Миши, мы относимся именно к третьему варианту. Мы зайдём с парадного входа, минуя длинную очередь. У нас привилегия не только в этом – ещё будут столик и сидячие места.

После тёплого автомобильного салона на улице совсем холодно. А может, я озябла из-за нервов? Из-за того, что переживаю: после пробуждения я не посещала подобных мест. Были кино, кафе. Но клуб... в клубах, как мне кажется, слишком много людей, которые думают, что им можно всё. Не раз приходилось читать в интернете истории, что в тех или иных местах кто-то кому-то что-то подсыпал. Ёжусь от одной только мысли.

Миша нажимает на кнопочку, закрывая машину, и, пока идёт ко мне, проверяет все двери. А я люблю. Мимо проходит компания друзей, весело смеясь и что-то обсуждая. Они уже выпившие, такие... расслабленные. Убираю руки в карманы куртки, смотря в сторону «Кристалла». Этот клуб выделяется на фоне других: массивные колонны, крыша с фресками. Создаётся впечатление, будто кто-то решил отдать театр под подобные «непотребства». На крыше – сияющий макет кристалла. Он крутится, пуская свет на всех, кто проходит поблизости.

– Говорят, туда можно подняться, – задумчиво протягивает Миша, указывая кивком на кристалл, когда я обхватываю руками его локоть. – Но только если хочешь посмотреть на игнорирующих правила этикета парочек.

Не сдерживаю смешка, смотря на друга. Я во многом ему благодарна. В частности за то, что он... просто есть. Миша стал для меня тем спасительным глотком воздуха, который не позволяет окончательно захлебнуться. Первый год он оставался у нас до позднего вечера, разъясняя то, что я не могла вспомнить. Миша учил меня заново писать – и если верное произношение слов я запомнила довольно быстро, то их правильное написание давалось мне с трудом. Я не хотела остаться неграмотной. Два года прошли в попытках вспомнить основные вещи, а в свободное от работы время я смотрела научные видео на YouTube. Это помогло. Значительно помогло. Потом, когда я вспомнила, как читать, то начала скупать

книги. Удивляло, что мои руки помнили о том, что я когда-то рисовала. Садилась над белым листом, и пальцы сами знали, как взять кисточку, куда повести линию. С рисованием всё сложилось достаточно хорошо: иногда я даже рисую на заказ и не беру за это много.

Мы с Мишей минуем очередь. Пока я удивлённо раскрываю рот, он что-то говорит охраннику. Тот отходит в сторону, желает приятного вечера, и Нефлянов пропускает меня вперёд.

Музыка бьёт по ушам, мне кажется, барабанные перепонки внутри вибрируют. От софитов, свет которых слепит глаза, всё немного расплывается. И люди – здесь так много людей. Кажется, что лёгкие сжимаются от духоты. Я опасливо осматриваю площадку, на которой извиваются в танце тела, и поджимаю губы. На меня накатывает лёгкая паника, стоит мне начать перебегать глазами от одного лица к другому, старательно вглядываясь в каждое.

Меня спасает Миша: его пальцы отрезвляюще сжимают ладонь. Подбадривает или утешает? Может, и то и то? Перевожу на него взгляд: смогу ли я что-то заметить? На его губах играет хитрая улыбка, а любые эмоции в глазах перекрывают озорные блики. Походка расслабленная, лёгкая. Миша тут, что называется, в своей тарелке.

Странно, как всё вокруг стало для меня чужим после пробуждения. Это долгое время не давало мне покоя. Я ходила по улицам, встречала и провожала посетителей в кофейне, смотрела фильмы и сериалы – не то, чужое. Еда, люди, манера общения. Что-то внутри меня отталкивало всё это.

Мы подходим к кожаным диванчикам, стоящим друг напротив друга. На столе высятся тонкие, пузатые и вытянутые стаканы – некоторые из них ещё полные, а другие уже пустые. Миша здоровается с девочками кивком, а вот Илье протягивает руку. Нагибается к нему, пытаюсь перекричать музыку. Ирина – блондинка – улыбается своими ровными зубами, стоит ей заметить меня, отступающую немного влево из-за спины Нефлянова. Ира придвигается к краю диванчика и манит меня рукой. Я послушно ступаю к ней.

– Очень рада, что Мише удалось тебя вытащить. Нашей небольшой компании не хватало ещё одной девочки. – Почти не слышу некоторых её слов, так что не уверена, что она сказала именно это.

Её пальцы обхватывают моё запястье – приглашают сесть. И я послушно опускаюсь на диван, тут же охая, потому что проваливаюсь в его мягкую спинку. Настя тихо посмеивается, подпирая щеку ладонью с идеально красными ногтями, хотя неон клуба слишком сильно искажает цвета. Может, он зелёный? Или синий? Я уверена лишь в том, что он идеальный. Миша садится напротив и ободряюще касается носком кроссовки моих кед. Всё, что предлагает ему Илье, оказывается отвергнутым. Он обещал мне не пить и отвезти домой в случае необходимости – а друг всегда относится к своим клятвам серьёзно, я знаю.

– Миша говорил, что ты никогда не была в клубах. Можно поздравить тебя с дебютом? – Сидящая рядом Ира пододвигает ко мне стакан на длинной тонкой ножке, а на мой красноречивый взгляд лишь смеётся и, нагибаясь к моему уху, кричит: – Он безалкогольный! Хотя Илье пытался уговорить меня взять тебе что-то из «градусных». Не бойся. Пей.

Ира и Настя... милые. Они не пугают, как тот же Илье. Доверять им полностью было бы слишком глупо и наивно с моей стороны. Но от того, что я пригублю напиток, ничего не изменится. Упираясь ладонями в диван, я придвигаюсь к столу и обхватываю губами одну из разноцветных трубочек. Вкус коктейля бархатный, мягкий. Он ни сладкий, ни кислый – одно перекрывает другое. А по вкусу напоминает то ли персик, то ли яблоко. Но мне... нравится.

Улыбаясь, прикрываю глаза. Ира расценивает это правильно, поэтому тоже начинает улыбаться, беря в руку свой напиток (кажется, жёлтый) в коктейльном стакане с такой же длинной тонкой ножкой.

– Надеюсь, что нам удастся соблазнить тебя, Сел, на танец. Если да, то для меня это будет маленькой победой! – теперь уже кричит Настя, поднимая свой бокал.

Мы чокаемся и пьём под ободряющий крик Ильи.

* * *

Я очень быстро расправляюсь со своим безумно вкусным коктейлем. Миша первым вызывает меня помочь мне сходить за ещё одним, но я улыбаюсь, чем заставляю замереть его на месте. И произношу то, что ввергает его в полный шок:

– Схожу сама.

И, возможно, он даже хочет воспротивиться, вот только рука Ильи, что скользит ему на плечо, останавливает его от дальнейших действий. Уточняю название коктейля у Иры и, поднимаясь, выхожу из нашего закутка. Не только потому, что мне хоть немного хочется почувствовать себя самостоятельной. Мне нужно лишь несколько минут провести вдали от их весёлой компании. Они все общаются между собой, смеются. А я чувствую себя чужой и ненужной.

Чтобы не попасть в толкучку, обхожу танцпол по кругу, не переставая разглядывать танцующих. Все тут примерно моего возраста, от восемнадцати до тридцати. Среди толпы мерцают красные, синие, блондинистые и тёмные волосы. Некоторые посетители скидывают руки, запрокидывают голову, наслаждаясь музыкой. В каком-то смысле картинка завораживающая. Конечно, не все обладают пластичностью, но, если присмотреться, можно поймать взглядом девушку, которая по-настоящему отдаётся танцу: словно для неё не существует мира, людей вокруг и клуба в целом. Засматриваюсь на неё и будто где-то внутри себя чувствую капли пота на её коже. Чувствую, как они выступают, скатываются между лопаток, по виску и животу. Странное ощущение – словно тысячи нитей связывают меня с каждой из капелек.

Врезаюсь в чью-то спину и ойкаю, спешно извиняюсь и отскакивая на шаг. Юноша, с которым я столкнулась, точно младше меня. Он салюует мне бокалом, улыбается и отворачивается к своей компании, тихо посмеиваясь. А я просто прохожу мимо. Не могу не обернуться и тут же пересекаюсь с ним взглядом, спешно отвожу глаза и делаю вид, что рассматриваю что-то за его спиной.

Я следую к своей изначальной цели – к бару. Кое-как найдя свободный высокий стул, взбираюсь на него. Одной ногой упираюсь в перекладину между длинными ножками, а вторую оставляю болтаться в воздухе. Опираясь локтями о гладкую поверхность барного стола, жду, пока официантка подойдёт ко мне – это невысокая девушка с татуированными руками и яркими дредами. Громко проговариваю название коктейля, и она кивает, отправляясь к бармену.

Поворачиваюсь чуть вбок и смотрю в ту сторону, где столкнулась с юношей. Я не запомнила его глаз, цвета волос, не оценила, красив ли он. Я запомнила его улыбку. Ровный ряд зубов и такая привлекательная форма губ... Даже не замечаю за собой, что ищу своего мимолётного знакомого в толпе – не нахожу и разворачиваюсь обратно к барной стойке.

– Ты задержалась.

Вздрагиваю и тут же оборачиваюсь – Илья.

И как я только его не заметила? Морщусь, молча кивая на коктейль, который только что принесла официантка. Не хочу разговаривать с ним и произносить лишних слов. Иногда Илью так тяжело заткнуть, что проще вообще не начинать разговор. Он несёт глупости и чепуху. Забивает голову мне и окружающим. Но, кажется, сегодня он сам не настроен на долгие разговоры. Илья делает шаг в мою сторону, и я напрягаюсь, щуря глаза. Немногословность этого парнишки пугает ещё больше, чем болтливость.

Его рука упирается в барную стойку за моей спиной. Он нагибается вперёд, заставляя откинуться на спинку стула и больно вжаться в неё. Илья пьян. Чертовски сильно пьян – и я чувствую это, когда он выдыхает горячий воздух мне в лицо. Хочу отвернуться, но его грубые пальцы обхватывают мой подбородок, он поворачивает мое лицо к себе.

– Не трогай меня, – говорю я тихо, почти выплёвывая эти слова в надежде, что это отпугнёт назойливого парнишку.

Мой план не срабатывает: Илья не отодвигается, а пододвигается, из-за чего мне приходится отклониться настолько сильно, что мои волосы почти касаются барной стойки. Впиваюсь пальцами в руку, сжимающую мой подбородок; царапаю ногтями его кожу, оставляя борозды, но Илья не сдаётся. Впервые я чувствую в отношении него гнев – если до этого он просто меня раздражал, то теперь мне хочется его убить.

Сжимаю пальцы второй руки на его запястье, ощущая, как злость разливается внутри тягучим мёдом. Она загорается, обжигает вены и артерии, внутренности. Обжигает глаза. Я то ли шиплю, то ли рычу – сама не могу различить. Все звуки тонут в громкой музыке. Вот только Илья мгновенно меняется: торжествующее выражение лица становится болезненным. Я отчётливо вижу, как в его глазах появляется страх. Он отпускает мой подбородок и дёргает руку на себя. Не поддаюсь. Меня накрывает ощущение, которое не сравнимо ни с чем. Словно в позвоночник врезаются тысячи маленьких иголок, а кончики пальцев замерзают, как на холоде.

Я выпускаю руку Ильи из цепкой хватки лишь спустя несколько секунд, которые кажутся особенно долгими. Он вырывает ладонь, отступая на несколько шагов. Перед тем как окончательно скрыться с моих глаз, щурится и коротко бросает: «Сумасшедшая». Но мне нет дела до его слов.

У меня бешено колотится сердце – будто я пробежала не одну сотню метров. Коктейль я так и не выпила. Подрываюсь с места и, несмотря на жуткое головокружение, иду к выходу. Пускай тут и жарко, пальцы покалывает, будто на морозе. И этот холод сковывает кисти, локти, пробирается под кожу.

«Селена, найди меня».

Голос эхом отдаётся в голове, и неведомая сила тянет меня на улицу. Недолго думая, следую за ним. Тело окутывают вечерний холод и толпа людей, снующих туда-сюда. Мне надо идти на голос. Нельзя его потерять, упустить. Меня словно обхватывают плотные канаты. Стягивают, тянут. И я не могу сопротивляться, сворачивая за угол.

«Селена».

Оборачиваюсь, ускоряя шаг. За мной никого нет. Вновь накрывает чувство, что за мной следят, ощущаю чье-то присутствие. Время давно перевалило за двенадцать, так что в этой части улицы (я иду по самому короткому, а не самому красочному пути, по которому вёз нас сюда Миша) пусто. Все либо отрываются в клубах, либо уже отсыпаются дома. Мне хочется

содрать с себя кожу, чтобы не чувствовать прикосновений его рук. Илья был мне противен ещё до того, как протянул свои заgreбущие ручки к моему лицу. Он перешёл все границы. Я его напугала – и правильно сделала. Но... как?

Пальцы до сих пор покалывает, а внутренности сворачиваются в тугой узел. Смотрю на свои ладони, переворачивая их. Руки трясутся, а сердце бешено колотится. Я никогда такого не ощущала. Трепет внутри, облегчение. словно этим я что-то... отпустила – тяжёлый камень, сдавливавший лёгкие всё это время, исчез. А сейчас... я вдыхаю полной грудью, и как же легко мне дышится.

«Селена, я жду тебя».

Голос уже не просто звучит в голове – он звенит. И я иду на этот звон, оглядываясь по сторонам в надежде, что он станет громче. Мне кажется, что я всё пойму, как только найду его. Но он ещё недостаточно слышимый – пока я не дохожу до парка.

Здесь мы гуляли с Мишей сразу после моей выписки. Здесь же меня нашли, около озера, находящегося в самом конце. Небольшого, скорее, декоративного. Зимой оно не замерзает. Тут любят устраивать катания на лодках, а летом появляются уточки, на которых я как-то приходила посмотреть. Но сейчас... сейчас этот парк выглядит иначе. Мрачный, жуткий. Он зовёт меня. И я иду.

Неожиданное карканье ворона заставляет меня взвизгнуть и уставиться на ветки дерева – там и сидит птица. Она громко хлопает крыльями, кричит и не сводит с меня взгляда своих золотых глаз-монеток.

Стоит мне переступить черту парка, как я замечаю какое-то движение. Вздрагиваю и поворачиваю голову – тропинка из гравия, лавочки и перегоревший фонарь. Чувствую, как по моей коже проходит холодок. От страха, от неизвестности. Голос привёл меня сюда и затих. Оставил одну в тёмном парке, где я когда-то... где я когда-то что? Пыталась ли я утопиться? Или кто-то намеренно желал мне смерти? К горлу подступает ком; судорожно дёргаюсь, намереваясь покинуть это злосчастное место.

За моей спиной снова пролетает тень – и я готова поклясться, что слышу лошадиное фырканье. Резко оборачиваюсь и задерживаю дыхание, взгляд мечется по сторонам. Это не ворон.

«Мне это кажется. Я сошла с ума».

«Нет. Не кажется», – вторит моим мыслям голос, и я приглушённо охаю.

Я оборачиваюсь на него – влево. И замираю. На меня смотрит чёрная лошадь. Её глаза светятся, и это заметно даже отсюда. Грива длинная, но не блестит в свете фонарей. И тогда я присматриваюсь. Вся лошадь словно соткана из тьмы – копыта растворяются, как и грива с длинным хвостом. Золотистые радужки прожигают меня. Я не могу оторвать от неё взгляда. Даже не пойму: мне страшно или интересно?

Нет, мне приходилось видеть лошадей в фильмах, сериалах, на картинках. Я и сама их рисую. Но эта... эта другая. Массивная. Кажется, что она смотрит свысока, что я для неё – мелкое насекомое. У неё вид величественный, царственный, и от неё веет... опасностью. Я остро чувствую эту опасность. Замираю, поскольку мне кажется, что она сейчас набросится.

И совершаю ошибку – шаг назад.

Чёрная лошадь щурит глаза. Мне бы стоять на месте, но я срываюсь с места и бегу в сторону парка. Не знаю, почему бегу именно туда, а не к дороге, где могла бы встретить людей. Хвалёный инстинкт самосохранения не действует. Я просто хочу оказаться дома, за его толстыми стенами, и не видеть ни Илью, ни лошадей, сотканных из тьмы. Лёгкие

начинает колоть от бега – со спортом я никогда не дружила.

«Иди к озеру».

Решаю прислушаться к этому голосу и резко сворачиваю. В такие моменты слух может играть с тобой злую шутку. Отчётливо улавливаю, как дышит за моей спиной лошадь. Она скачет совершенно тихо, копыта – тени – не издают ни звука. Я могу ориентироваться только по её вдохам и выдохам. Оборачиваюсь и тут же сталкиваюсь с золотистыми глазами. Они горят в темноте ярче фонарей. Издаю стон – я беззащитна. Мне некуда бежать, нечем обороняться. Впереди лишь озеро, к которому я послушно бегу.

Этот голос убьёт меня. Вот зачем он звучит в моей голове! Он хочет моей смерти.

Под подошвами скрипят деревянные половицы. Замедляю шаг, резко разворачиваясь прямо лицом к своей теневой преследовательнице. Её глаза страшно блестят, когда я начинаю отступать. Чёрт. Я доверилась голосу, и он загнал меня в ловушку. Останавливаюсь. Глаза щиплет от подступающих слёз.

«Это просто сон».

«Нет, не сон», – твердит голос.

И я плачу. Тихо всхлипываю, чувствуя, как горячие слёзы обжигают щёки. Паника захватывает меня, и я не могу выбраться из её тисков. Останавливаюсь на краю пирса, наблюдая, как лошадь подступает ко мне. Из-за слёз всё размывается, а всхлипы не дают нормально вдохнуть.

– Пожалуйста, – хрипло шепчу я в надежде, что лошадь смилует, но она продолжает наступать.

Останавливается лишь тогда, когда нас разделяет расстояние меньше моего шага. Животное шумно дышит, прожигая меня взглядом. От его дыхания пряди моих волос слегка колышутся. Мёд и золото. Лошадь мотает головой, и её грива то растворяется во тьме, то снова появляется. А я не могу пошевелиться. Так и стою здесь, на краю пирса, а на меня смотрит лошадь.

«Прости меня, Селена».

Теперь я слышу голос чётко, будто его обладатель встал за моей спиной и прошептал эти слова мне на ухо. Не успеваю подумать, за что и кого мне нужно простить, потому что в следующую секунду лошадь поднимается на дыбы, копыта врезаются мне в грудь. Я не чувствую боли – или не успеваю почувствовать. Делаю вдох, проглатывая крик, и меня обволакивает холод. Хочу открыть рот, но озёрная вода тут же заливается в нос, обжигает лёгкие и гортань.

«Вернись, Селена».

4 глава

Селена

Первое, что я чувствую, – холод, проникающий под кожу, вгрызающийся в кости. Он не похож на тот, с которым я сталкивалась в городе: зимы там настолько тёплые, что можно спокойно ходить в пальто. А этот холод... он тянет свои пальцы-щупальца, обвивая руки, ноги, сжимая шею. Почти добирается до сердца.

Следующее – будто сталкивают с тёплой постели. Резкий рывок; обрываются цепи, удерживающие тело, но затем меня наполняет лёгкость. Я парю в воздухе среди облаков, похожих на кусочки сахарной ваты. Мышцы расслаблены, а разум находится где-то далеко.

Меня подхватывают чужие руки и укладывают на что-то мягкое. В ушах воеет, поскрипывает, как если бы произошёл чертовски сильный скачок давления – такое обычно возникает при взлёте и посадке самолёта. Это пугает. Пугает неизвестность. Тёмные стены крохотной комнаты давят со всех сторон. Так, что я могу лишь хрипеть, кричать, биться в агонии. Выставляю руки перед собой, чтобы защититься от стремительно сжимающихся стен.

Удар. Но ощущение от него эфемерное, слабое.

Второй же удар пронзает в районе висков, от кончиков волос до кончиков пальцев. Он обжигает, отрезвляет моё всё ещё помутнённое сознание. Именно с этим ударом я наконец чувствую, как мои расставленные в стороны руки касаются стен.

Открываю глаза. Глухая боль отдаётся эхом: внезапно бьёт по вискам, а затем потухает. От яркого света к горлу подкатывает тошнота, на голову снова обрушивается тяжесть. Морщусь, потому что всё кружится и расплывается. Так плохо мне ещё никогда не было.

Пытаюсь сделать вдох, но лёгкие начинают невыносимо гореть. Горло, кажется, набито стеклом, осколки которого режут гортань на мельчайшие кусочки. Из рта вырывается не то хрип, не то стон – я даже не понимаю, мой ли это голос. Слишком сиплый и тихий. Тело немеет. Как бы я ни хотела поднять руки, чтобы прикоснуться к лицу, ущипнуть себя, они словно налиты свинцом.

– Быстрее, неси одежду! – Голос нечёткий, будто пробивающийся сквозь толщу воды. – Там лежат штаны, рубашка и камзол. И сапоги захвати!

Чьи-то пальцы блуждают по моей шее, нащупывают пульс. Вторую руку прижимают к подбородку, отводя голову чуть в сторону, но быстро возвращают её на место. Незнакомец – или знакомка – приподнимает моё правое веко. Так аккуратно, что я понимаю – это точно женщина. Что-то щёлкает, и в следующую секунду мой насильно открытый глаз ослепляет яркая вспышка. Я сипло шиплю, пытаюсь отвести подбородок, вырваться – не выходит.

– Не пытайся дёргаться. – Женский, как я и предположила, голос слышится совсем рядом, пробиваясь к моему сознанию. – Твоё состояние не такое плохое, как я думала. Но рисковать не советую.

Взгляд фокусируется медленно: сначала различаю серое небо, потом голые кроны деревьев, что взмывают вверх, к птицам. Кое-как могу разглядеть черты нависающего надо мной лица. Тёмные волосы стянуты сзади в тугий хвост, но пара прядей всё равно спадает, периодически касаясь моей кожи, когда девушка наклоняется. Глаза – живая ночь, отражающая звёздное небо, настолько чёрные и вместе с тем завораживающие. Миндалевидные, с хитрыми искорками, лисьи. Кожа светлая, без родинок и родимых пятен.

Открываю рот, намереваясь заговорить, но знакомка приподнимает ладонь, давая мне знак помолчать.

– Ты слаба. Не трать силы на пустую болтовню, – проговаривает она, поворачивая голову в сторону, и цокает языком. – Эл, быстрее. Она просто ледяная, а мы должны её согреть. – И вновь поворачивается ко мне. – Меня зовут Агата. Пока что этого достаточно. Ты не должна перегружать тело и мозг. Я отвечу на все твои вопросы, как только ты сможешь переваривать информацию. А её будет много.

Агата убирает руки, упираясь ладонями в расстеленное покрывало, а после рывком

поднимается на ноги. Принимает что-то от подошедшего (я не могу повернуть голову и рассмотреть так называемого Эла), недовольно шепча: «Ну наконец-то». А затем присаживается на корточки, подхватывая пальцами длинные завязки ночной сорочки.

– Твоя... одежда промокла. Я переодену тебя, – произносит Агата совсем тихо, словно малейшее изменение тональности норовит ударить по моей голове новой болью. – Элиот отвернётся. Но мне понадобится твоя помощь. Приподнимись чуть-чуть на локтях, чтобы я смогла стянуть с тебя эту тряпку.

Облизываю пересохшие губы, кивая. Агата откладывает стопку одежды в сторону, кладя рядом сапоги на шнуровке. Её пальцы снова впиваются в мою холодную кожу – только теперь в кисть. Медленными и осторожными движениями Агата помогает вытащить сначала одну руку, потом вторую. Спускает сорочку до талии и, когда я через силу приподнимаюсь на локтях, снимает мокрую ткань и откидывает её в сторону. Это оказывается не так тяжело, как думалось мне изначально. Но теперь беда в том, чтобы натянуть на влажное тело сухую одежду.

Сначала Агата надевает нижнее бельё, а затем, проявив недюжинное упорство и выдержку, натягивает на меня тёмно-коричневые штаны, которые на пару размеров больше. С рубашкой получается гораздо проще, как и с сапогами. Агата поворачивает голову в сторону, складывает губы трубочкой и издаёт тихий протяжный свист. По всей видимости, давая знак своему спутнику, что мы закончили.

– Мы поможем тебе подняться. До первой остановки ты поедешь на одной лошади с Элиотом. Мы переночуем в ближайшем городе. За ночь тебе должно полегчать. Будет немного кружиться голова, так как ты почти шесть лет пролежала во льдах, и мышцы немного... немного отвыкли. – Девушка снова смотрит куда-то в сторону. – Я постараюсь сделать отвар. – На этих словах я морщусь, поворачивая голову в том же направлении.

Элиот, всё это время стоявший у порога, кажется очень высоким. У него широкие плечи, массивные руки – такие бывают у рабочих. Светлые растрёпанные волосы, а кожа щёк – розовая, словно от мороза. Глаза такого приятного орехово-медового оттенка, что у меня вдруг становится очень тепло на душе. Будто боясь спугнуть, он подходит ко мне, затем присаживается рядом, обхватывая мои ладони своими огромными лапами. С кряхтением и стонами от боли я поднимаюсь, со всей силы, что у меня ещё остаётся, опираясь руками на руки Элиота. И теперь отчётливо понимаю, о чём говорила Агата: конечности трясутся, кажутся ватными. Периодически я заваливаюсь назад, но тут на помощь приходит и сама девушка, упирающаяся ладонями в мои лопатки.

Пока мы идем к лошадям, у меня невыносимо сильно кружится голова, а тошнота подкатывает к горлу. Желудок скручивает колючим спазмом, воздух царапает сухую трахею. Приходится через не могу отвернуться в сторону, сдерживая позывы. Агата, замечая это, кидается ко мне, обхватывая руками локоть с одной стороны, пока Элиот держит за локоть с другой. Боль становится невыносимой, и я сгибаюсь пополам. Рвота обжигает пищевод, медленно поднимаясь выше.

Изо рта, вместо того чтобы явить наружу остатки моего ужина или хотя бы желчь, льётся вода. Страшно предположить, сколько времени я стою вот так, согнувшись и извергая озёрную воду. Но Агата и Элиот не торопят меня, а молча ждут, периодически придерживая мои растрёпанные волосы, – никто, даже я сама, не знает, сколько это может продлиться. Недуг забирает почти все силы. Хочется закрыть глаза, завалиться в тёплую кровать и затем провалиться в сон. Слабость вместе с глухими остатками боли захватывает тело в свой плен.

– Ой! Ради всех Святых, не падай в снег. – Агата тянет меня за локти назад, не давая упасть.

Элиоту приходится перенести вес моего тела полностью на плечи Агаты, что тихо кряхтит от навалившейся тяжести. Она обхватывает меня вокруг талии и, придерживая за спину, ведёт в сторону лошади, на которую взбирается Элиот. Тот протягивает ко мне ладони, помогая сесть перед собой. И уже после того, как я оказываюсь верхом, аккуратно просовывает руки под моими подмышками, обхватывая поводья.

– Можешь облокотиться о меня спиной и, если тебе удастся, поспать, – спокойно проговаривает он, убаюкивая своим голосом. Последние слова я уже почти не слышу. – Нам ехать около четырёх часов. Если поедem медленно – шесть.

Это похоже на один из тех нереальных снов, границы которых так смазаны, что сливаются с реальностью, что ты путаешься... Так это очередной сон? Или нет?

* * *

Тело слишком ослабело, чтобы выдержать шестичасовую поездку, поэтому, как только я закрываю глаза, то проваливаюсь в сон. Мне впервые за долгое время не снится ничего интересного. Тёмная комната стремительно сжимается вокруг – пустая, без столь привычного мне мужчины. Периодически просыпаюсь из-за того, что начинаю клевать носом. Но почти тут же засыпаю вновь, стоит найти удобную позу, хотя сделать это на лошади попросту невозможно. Руки, ноги и спина затекают. Да, мои сны всегда странные, но чтобы настолько...

На небо падает чёрное покрывало, раскрывая красоту звёзд над нами. Лошади замедляют шаг, наконец останавливаясь. Я медленно разлепляю веки, осматриваясь вокруг. Опираюсь руками о переднюю луку, давая Элиоту возможность беспрепятственно слезть с лошади. Он обхватывает меня под мышками и рывком опускает на землю, после чего доводит до ближайшего деревянного столба.

Не знаю, куда меня привезли эти двое, да и какая разница, если всё это сон? Тут стоит одинокая хибара – что-то вроде гостиницы, похожей на древний постоялый двор. В такой поздний час сюда наверняка заходят лишь пьяницы, которых не пускают в дом строгие жёны, и редкие путешественники. Мне кажется, довольно опасно передвигаться по таким густым лесам – воры не упустят возможности поживиться за счет бедных путников.

Агата одной рукой обхватывает меня за локоть, второй же придерживает за спину, чуть подталкивая вперёд. Элиот открывает перед нами дверь, придерживая её, чтобы Агата без проблем прошла внутрь. В нос ударяет запах вонючего табака и алкоголя. Я морщусь. К горлу вновь подкатывает тошнота, из-за чего приходится прикусить щеку изнутри. Агата принимает из рук Элиота ключи, игриво покручивая их на указательном пальце и гремя металлом.

Она осторожно помогает мне подняться на второй этаж. Чтобы не привлекать внимания к моей болезненной внешности, девушка накидывает капюшон плаща на мою голову, пускай в таком полумраке вообще тяжело что-то различить. Всё вокруг «танцует» – спасают лишь руки новой знакомой, крепко сжимающие мои локти. Испытание в виде скрипящей лестницы остаётся позади, а вот «аромат» преследовать не перестаёт. Меня мутит ещё сильнее; на мгновение кажется, что прямо сейчас вырвет.

Комната оказывается тёмной и очень маленькой. Тут еле умещаются две кровати и сундук. Прямо напротив двери – небольшое окошко с видом на далёкие кроны деревьев.

– Это, конечно, не королевские палаты, – выдыхает Агата, сажая меня на кровать и закрывая за собой дверь, – но и мы вроде как не собираемся отсюда править. Всего лишь переночуем.

Она зажигает масляную лампу; помещение озаряет тёплый свет. И пускай он не слишком яркий, я всё равно морщусь, сталкиваясь с отсутствием мрака.

– Ну, тут стоят кровати, а ещё есть окно, чтобы выброситься, – устало хмыкаю я, проводя пальцами по старому покрывалу на постели.

– Ой, а ты, я смотрю, шутить любишь? – В глазах Агаты загорается озорной огонь, но тут же потухает. – Я принесу тебе что-нибудь поесть. И ещё... – Она развязывает шнуровку взятой с собой сумки, вытаскивая из внутреннего кармашка что-то плоское и блестящее. – Это зеркальце. Тебе... тебе нужно посмотреть. Это лучше, чем быть в неведении. – Агата выпрямляется. – Как только принесу еду, мы с Элом ответим на часть твоих вопросов.

На этих словах она, накидывая на голову капюшон, выскальзывает из комнаты и прикрывает за собой дверь. Мне нужна пара минут, чтобы заставить внутренний голос замолчать, но он все равно не унимается: разве я не знаю, как выгляжу? Или у меня что-то осталось на лице? Поддрагивающие пальцы обхватывают плоский предмет. Медлю ещё немного, но в конце концов поднимаю зеркало на уровень лица.

Первое, что я замечаю, – цвет кожи. Он бледный, почти что серый, как у мертвеца. Нет ни веснушек, ни летнего загара. Под глазами проступают паутинки синих вен. Карий оттенок радужек исчез, и теперь я смотрю на себя холодными голубыми глазами. Они пустые, отчего создаётся впечатление, будто зрачок всё ещё покрыт тонким слоем льда. Губы потрескавшиеся, словно я часами стояла на морозе.

Дрожащими пальцами медленно очерчиваю проступающие скулы, обесцвеченные губы, немного вздёрнутый нос. Подушечки скользят вверх. Волосы стали белыми. Я подхватываю одну из прядей, наматывая её на указательный палец. Взгляд цепляется за дорожку из крохотных льдинок, идущих по шее к щеке. Выпускаю прядь из плена, прикасаясь средним пальцем к одной из них. Теперь всё это мало походит на стандартный сценарий моих снов.

Острые локти упираются в колени. Дотрагиваюсь до белоснежных волос, чуть сжимая прядки. Воспоминания вихрем кружатся в голове: мигающие софиты клуба, громкая музыка. Помню вкус коктейля, духоту помещения, танцы, руки Ильи, скользящие по моему телу. Манящий голос в голове, тишину, поворот за угол и... лошадь, что сливается с тенями на стенах. Она бежит прямо на меня.

Тихо всхлипываю, падая спиной на постель и прижимая ладони к лицу.

Озеро. Я упала в озеро! Это не сон! Может, теперь меня давно нет в живых. Я плаваю в том озере хладным трупом. Или лежу без сознания в больнице? И сейчас я открою глаза...

– Святые! Что случилось? – Голос Агаты заставляет меня прикусить щеку изнутри, чтобы не завывать громче. – Не всё же так плохо с внешностью, чтобы рыдать. Если нанести макияж, так тебя вообще от живой не отличить.

Агата толкает дверь бедром, та захлопывается. Проходит в комнату и ставит поднос на сундук. Опускается на корточки около постели, а затем ловко выхватывает зеркальце из моих плотно сжатых пальцев и, откладывая хрупкую вещицу в сторону, принимается меня успокаивать. Не словами, которые бы только подлили масла в огонь, не вздохами-ахами. Она молчит, будто знает, что мне просто необходима эта тишина, и еле ощутимо поглаживает мои

руки.

– Я ничего не помню, – хрипло выдаю я спустя несколько минут, чувствуя, как горячие слёзы обжигают щёки. – Точнее... помню, что упала в озеро и очнулась здесь. Я не понимаю. Я ничего не понимаю. – Голос дрожит. – Это сон? Это же всё не наяву, да? Ты мне снишься. Просто снишься...

– Эй, эй. НЕ ПАНИКУЙ. Только не паникуй. Вдохни поглубже. Да, вот так. – Агата опускается на постель, продолжая скользить руками по ткани моей одежды. – Нужно прийти в себя, Селена. Мы не навредим тебе. – Места, которых касаются пальцы девушки, покалывают и немного чешутся. – Это не сон. Расслабься.

Как по волшебству волна паники отступает. Дыхание выравнивается. Быстрый бег сердца замедляется. Я спокойна. Я успокоилась?

Отодвигаю ладонь в сторону, взирая на Агату одним глазом.

– А знаешь... Давай на сегодня отменим все вопросы. Я приготовлю тебе отвар, чтобы твоё состояние чуть улучшилось. Ты отдохнёшь. – Она откидывает волосы назад, медленно поднимаясь. – Для начала стоит осознать: где ты и кто ты. Я... я не подумала, что тебя может всё это напугать. Ох... вот же... какая я глупая! Совсем не подумала об этом. – Агата стыдливо опускает подбородок, прикусывая губу.

Вторая моя ладонь сползает с лица на грудь. Агата вытаскивает из сумки маленькую ступку, какие-то травки – я мало что могу разглядеть за её спиной. Да и не стараюсь, если быть честной. Слышу, как она начинает что-то растирать, смешивать. Меня всё ещё одолевает мелкий тремор, пока усталость окутывает меня, заставляя моргать чуть быстрее, чтобы веки не слиплись.

Лениво сижу на постели, находясь в растерянности и не зная, как реагировать на всё: на Агату и Элиота, внутренние ощущения, обстановку и... даже запахи. Прикрываю веки и втягиваю носом воздух. К дешёвому табаку и алкоголю добавляется весьма... приятный аромат. Мой живот издаёт жалобное урчание. Только сейчас понимаю, что хочу есть.

– Ешь медленно. У тебя сейчас слабый желудок, так что я взяла похлёбку на воде, хлеб и чай. Размешаю тебе лекарство в кипятке, выпьешь перед сном. Отдохнёшь, и этого кошмара – как не бывало. Утром полегчает. Ешь.

Я послушно придвигаюсь к хлипкому подносу. Подхватываю ложку, поднимая глаза на Агату, продолжающую что-то давить и добавлять в ступку. У неё такие красивые и изящные пальцы. Гладкая светлая кожа без шрамов. Моё внимание внезапно привлекают её запястья: рукава камзола немного задираются, и в слабом свете я вижу... браслеты.

– Если ты хочешь спросить – спроси, а не рассматривай так бесстыдно. – Вздрагиваю, сталкиваясь с хитрыми искорками в её глазах. – Эти браслеты некогда принадлежали моей тёте. – Агата закатывает рукава. – Они сделаны из особого металла, поэтому очень дороги мне.

Агата подносит руки к лампе, и мягкий свет льется на украшения. Браслеты шириной не больше сантиметра, из чёрного металла – ни разу такого не видела. На них выбиты какие-то символы. Хочу подвинуться, чтобы рассмотреть, но Агата опускает рукава, возвращаясь к своему делу.

Она разворачивается обратно к кровати, подхватывая ступку, и высыпает порошок в стакан с горячей водой, размешивая ложкой содержимое. А затем ставит его на тумбочку в ожидании, когда весь порошок осядет на дно.

Тем временем я ужинаю. Вкус у похлёбки так себе, но меня это почти не волнует.

Кажется, только вчера я впервые пошла с Мишей в клуб, как уже сегодня очнулась среди неизвестных мне людей. Я в ловушке. Но почему именно здесь, в мире, где всё кажется чужим и незнакомым, я чувствую себя в порядке? Почему до этого я так долго искала собственное я, а тут меня сразу же покинуло чувство неопределённости?

Делаю глоток отвара, что приготовила Агата. Тело растворяется в неге, а веки тяжелеют. После третьего глотка назойливые мысли покидают разум.

– Спи, Селена. Не думай о плохом. Ты ещё успеешь столкнуться со злом этого мира.

И я проваливаюсь в сон.

5 глава

Селена

Утро выдаётся тяжёлым. Удивительно, ведь стоило лечь на жёсткую, неудобную подушку, как меня вырубил, словно сон избегал меня несколько суток. По словам Агаты, я проспала около шести лет. Именно поэтому всё болит?.. Но вот что по-настоящему доставляет дискомфорт, так это левая лопатка. Боль пульсирующая, не слишком сильная, но непроходящая.

Агата уже проснулась. Слышу, как она поднимается с кровати, скрипят деревянные перекладки под матрасом, а затем – половицы. Она громко зевает, потягивается, похрустывая суставами, а затем шумно выдыхает, снова садясь на постель. Вчера вечером, перед тем как лечь, мы сняли только обувь. По словам моей новой знакомой, в таких местах часто водятся разного рода насекомые. Я сомневаюсь, что после такого крепкого сна мне захотелось бы содрать кожу в кровь от жуткой чесотки.

Если быть совсем честной и откровенной, ни Агата, ни уж тем более Элиот не вызывают у меня доверия. Но... я очнулась в неизвестном месте. Когда подобное случилось со мной в прошлый раз, я доверилась людям, бывшим около меня в тот момент. И ведь ни разу не пожалела! Миша так вообще стал тем единственным человеком, на которого я могла положиться. Доверие... спасло меня. Так почему бы не попытаться довериться Агате и Элиоту? Я привыкла к лесу из высоток, а не деревьев. Мой максимум – это парк. А без своих новых «друзей» я здесь потеряюсь.

Хотя бы пока не разберусь, куда меня занесло озеро.

– Я знаю, что ты уже проснулась, но если тебе хочется полежать... что ж, извини. – На сумке щёлкает замок. – Я, наверное, разбудила тебя. Извини и за это. Ох, чёрт. Слишком много слова «извини». Из... – Агата прикусывает язык, и я стараюсь сдержать тихий смешок. – Хотела дать тебе поспать ещё немного, но, видимо, я слишком громкая. Знаешь, в прошлом я спала одна в большо-о-ой комнате, и у меня не было подобных... забот.

На лице сама собой расплзается слабая улыбка. Агата начинает мне нравиться. Открываю веки, наблюдая за тем, как она с тихим бормотанием роется в сумке. Длинные тёмные волосы распущены. Настолько темного оттенка мне видеть ещё не приходилось, словно сама ночь поселилась в её волосах, как в гриве той лошади, что...

Вздрагиваю, одёргивая себя, и моментально отворачиваюсь в сторону. Пальцы хватаются за край одеяла – оно больше похоже на простыню. Откидываю его в сторону, опуская ноги на

пол. С крихтением сажусь на постели, потирая глаза подушечками пальцев. Тело ломит, словно прошлым вечером мне пришлось таскать что-то тяжёлое.

– Я принесла нам немного воды, чтобы мы смогли умыться. Я уже, так что... – Девушка кивает на пол, где стоит металлический тазик. – Завтракать будем не здесь. Возьмём еды с собой.

Нужно встать на ноги, но я понимаю, что если нагнусь, то просто не смогу потом распрямиться. Поэтому медленно сползаю, чувствуя, как напрягаются мышцы, издавая болезненно-жалобный стон. Агата не сдерживает тихого смешка. Всё внутри такое натянутое и напряжённое...

Новость про завтрак не особо меня расстраивает. Вчерашний ужин я съела с трудом – как вспоминаю, так к горлу подкатывает тошнота. Если попытаюсь что-нибудь съесть сейчас, то придётся искать тазик поглубже. Я даже радуюсь, что не потребуются заталкивать в себя ещё одну безвкусную похлёбку.

Зачерпываю ладонями едва тёплую воду, смывая с лица сонливость. Не помогает, но чувство помятости проходит.

– Как ты себя чувствуешь? – Агата пальцами расчёсывает длинные волосы, заплетая в косу, и перевязывает кончик шнурком. – Вчерашний отвар должен был помочь, но... если честно, я никогда не сталкивалась со стабилизацией утопленников. – Она съёживается и отводит взгляд.

– Мне стоит поздравить тебя с дебютом? – вяло усмехаюсь я. – Хотела бы я сказать, что никогда не была в роли утопленницы, но врать не очень хорошо.

Девушка прыскает от смеха, но тут же снова прикусывает язык. Наверное, смеяться над подобными вещами... неправильно?

Дверь скрипит; я оборачиваюсь слишком резко. Голову простреливает болью. Хмурюсь, опускаясь на кровать, и закрываю глаза. Комната начинает кружиться. Оставь я глаза открытыми – и это непроходящее чувство сожрало бы меня.

Медленно приоткрываю один глаз, встречаясь взглядом с Элиотом. Замечаю, что он уже одетый и умытый. Сумка его явно тяжелая, оттягивает плечо парня – он уже готов к путешествию.

– Доброе утро, – глухо бросает тот, входя в комнату и направляясь в мою сторону.

Несмотря на то что волосы его растрёпаны, выглядит Элиот достаточно свежо. Камзол на нём, в отличие от наших, не имеет ни единого залома или какого-нибудь несовершенства, а сапоги начищены до блеска.

– Доброе, мистер чистые сапожки, – выдыхает Агата и поднимается с постели. – Даже в вонючем трактире похож на чёртового принца.

Элиот цокает и протягивает мне руку. Я не мешкая хватаюсь за неё. Он чуть сгибается, чтобы придержать меня за спину. Без помощи я бы точно феерично завалилась назад. Поднимаюсь медленно – если потороплюсь, то точно zakружится голова. Как же неприятно снова чувствовать себя беспомощной.

– Спасибо, – тихо бурчу я, кое-как дойдя до стены, и наваливаюсь на потрескавшуюся поверхность плечом.

Элиот улыбается уголками губ и коротко кивает.

– Надеюсь, ты чувствуешь себя достаточно хорошо, чтобы ехать верхом вместе с Агатой. – Он указывает в сторону двери. – Задерживаться опасно. Едем сейчас. – А затем разворачивается на каблуках сапог, бросая перед тем как выйти: – Пять минут, Агата. Не

тридцать пять, не сорок пять.

Девушка фыркает, в пару шагов оказываясь около меня и накидывая мне на голову капюшон. Разглаживает складки плаща, поплотнее затягивая кожаный шнурок в косе.

– На первом привале постараюсь что-то сделать с твоими волосами. Белый цвет слишком сильно бросается в глаза. – Она заправляет выбившийся локон за ухо. – А сейчас нужно ехать. Мы направляемся к восточным границам Рэддхема. Там у нас есть союзники.

Агата отходит от меня на шаг и поправляет ремешок сумки, после чего протягивает руку. Я вкладываю свою ладонь, вновь принимая помощь от совершенно незнакомого мне человека. Однако Агата... Агата кажется мне знакомой: цвет глаз, чернота волос, бледность кожи, черты в целом – я где-то её видела.

Мы спускаемся по тому же пути, по которому поднимались сюда вчерашним вечером. Только вот вчера мне было явно не до разглядывания окружающего интерьера. Да и рассматривать на самом деле нечего: деревянные стены с торчащими занозами. Не удивлюсь, если в них живут мыши и другая живность.

Минуя первый этаж, выходим на улицу. В носу пощипывает от мороза, а глаза слезятся от белизны снега. Агата первой садится в седло, мне же забраться туда снова помогает Элиот. Я размещаюсь позади, обхватывая руками талию девушки. Элиот ловко запрыгивает на соседнюю лошадь, кивая Агате, и она натягивает поводья. В фильмах и сериалах езда на лошадях казалась мне лёгким и приятным занятием, но в реальности я чувствую себя мешком с картошкой. Приходится напрягать живот, ноги и спину, чтобы не скатиться вниз.

Первый привал проходит тихо и спокойно. Пока Агата заплетает мои волосы в тугую косу, Элиот нагревает воду; я даже не понимаю, когда он успевает это сделать. Завтракаем минут десять, а потом вновь отправляемся в путь. Внутрь затолкать ничего не удаётся – кроме чая и *чудо-отвара* Агаты.

* * *

Мы едем в тишине, только Агата изредка спрашивает о моём самочувствии. Иногда мои новые знакомые переговариваются между собой, но разговор так и не завязывается. Да и разговаривать мне особо не хочется: голова болит, глаза слипаются. Всё, на что у меня хватает сил, – это рассматривать деревья. Кругом скучные, однотонные, тоскливые пейзажи. От голых стволов со временем начинает рябить в глазах. А сугробы приедаются, пускай сначала я по-настоящему ими интересуюсь. В городе даже глубокой зимой снег был редкостью. А если и выпадал, то либо таял, либо превращался в месиво из грязи.

Зато я могу лучше разглядеть своих спутников и переварить информацию. Лицо у Элиота доброе, выражение – немного отстранённое. Он так... спокоен. Карие глаза смотрят чётко перед собой. Спина прямая, подбородок вздернут. Теперь я понимаю, почему Агата добавила столь издевательское «принц», когда хотела уколоть его за начищенные сапоги. Они как будто знают друг друга не один десяток лет.

Миша как-то сказал, что противоположности притягиваются. Впервые я вижу это воочию – Элиот и Агата являются полными противоположностями друг друга. Он серьёзный, даже суровый. У меня проскальзывает мысль: «А не военный ли он?» Об этом говорят осанка, то, как он чеканит шаг. А вот в Агате я не вижу этой серьёзности. Она часто улыбается и смеётся. Ходит свободно, иногда позволяет себе расслабить спину и чуть

сгорбиться.

– Передохнём здесь, – произносит Элиот, натягивая поводья и заставляя лошадь остановиться. Агата делает то же самое.

– Ох, как же эти слова ласкают мой слух, – блаженно протягивает она, выдыхая.

Руки Элиота вновь проскальзывают под моими подмышками, и он снимает меня с лошади. Снег скрипит под подошвами. Желая насладиться этим звуком, я переступаю с ноги на ногу, вызывая у Агаты смешок. Наверное, я ей кажусь забавной.

Медленно ступая, направляюсь к упавшему дереву, опускаюсь на шершавый ствол. От долгой езды верхом (гораздо, гораздо менее комфортной, чем на автомобиле) болят шея и спина.

– Ты, наверное, отвыкла от езды верхом? Раньше тебя непросто было снять с лошади. – Агата закрепляет поводья на дереве. – Ты не подумай, я никогда тебя не видела. Мне брат рассказывал.

Подаюсь вперёд, упираясь локтями в колени и подпираю ладонью подбородок. Задумчиво поджимаю губы, переводя взгляд с Агаты на Элиота. Он складывает веточки «домиком». Во время первого привала я не обратила внимания на то, как он разжигает огонь. Обычно чиркают спичками, но вместо этого Элиот просто щёлкает указательным и средним пальцами. Вспыхивает маленький огонёк, и я ахаю.

– Как ты это... – только и могу вымолвить я.

– О... ты и этого не помнишь, – как-то грустно хмыкает парень, подкладывая в костёр несколько веточек. – Думаю, что про это тебе поведаст Агата. Я только напугаю подробностями.

Поворачиваюсь к Агате, перекидываю ногу на ногу. Она отряхивает ладони, упирается одной из них в ствол дерева, а затем смотрит на меня.

– Мир, в котором ты очнулась, – Рэддхем. Он делится на несколько... что-то вроде королевств. Их пять. В четырёх столиц нет. Мы называем их Домами. Южную часть занимают огненные маги, подобные Элиоту, – это Дом Огня. На Западе обитают маги земли, природы. Как можно догадаться, это Дом Земли. Восток, куда мы сейчас направляемся, во власти магов воздуха, молний, ветров – Дом Ветра. А Север, откуда мы сейчас уходим... Севером правят маги воды, льдов и холода. Дом Воды, соответственно. – Агата прикусывает нижнюю губу, переводя взгляд на Элиота.

– Ты сказала, что королевств пять, но назвала всего четыре. Я уловила смысл – они связаны со стихиями. А пятое?

– Пятое занимает центр и тянет свои щупальца к остальным. Его столица – Бэтллера. Домом это место никто не зовёт, но... – Агата понижает голос до шёпота. – Четыре Дома дали ему название – Дом Красного Солнца. Я не хочу раскрывать всех карт. Некоторые вещи тебе нужно вспомнить, чтобы мозаика сложилась в единую картинку. – Она подносит ладони к губам и дышит на них тёплым воздухом. – Я не могу вмешиваться в проявление твоих воспоминаний. И не могу рассказать тебе больше.

Опускаю взгляд, смотря на носки собственных сапог. Прикрываю глаза, упираясь кончиками указательных пальцев в виски, и начинаю массировать кожу. Стараюсь напрячь память, роясь в ней, чтобы отыскать ответы на свои вопросы и картинки прошлого. Но там пустота – и ничего более. Я не помню ничего. Рэддхем – незнакомое мне слово. А маги – всего лишь жители какого-нибудь фэнтезийного мира.

– Не-а. Не пытайся вспомнить. – Вздрагиваю, распахивая веки, и смотрю на Агату. – Всё

придёт со временем. Так ты только истязаяешь себя. Ты слаба, Селена. Я не хочу, чтобы ты грохнулась в обморок. Ах, стой. Как я могла забыть рассказать тебе самое интересное? – Её губы расползаются в улыбке. – Помимо стихийной, есть и другие виды магии. Я обладаю одной из таких. – Она гордо вскидывает подбородок, вытаскивая из сумки травы и знакомую мне ступку. – Я что-то вроде, м-м... мага крови. Мага сердца. Это тяжело объяснить на пальцах. Я слышу, как бьётся твоё сердце, как кровь бежит по венам и артериям. – Девушка принимает из рук Элиота чашку с горячей водой и смешивает в ней растёртые травы. – Пей. Потом поедем дальше. Весь зад себе отморозила на этом холоде. И как только ты не трясёшься?

– Она столько пролежала в холодной воде, – задумчиво говорит Элиот. – А ты просто засиделась во Дворце. Давно было пора вытащить тебя на улицу. Так что привыкай морозить свой «королевский зад». – Я чуть не давлюсь от этих слов, слыша рядом возмущённый вздох Агаты.

* * *

Смеркается. Ближе к вечеру прохлада начинает ощущаться острее. Агата часто вздрагивает и судорожно выдыхает облачка белого пара. Хотя, по словам Элиота, чем ближе мы к восточным землям, тем теплее должно становиться. Но теплом пока и не пахнет. Возможно, мы бы добрались быстрее, но приходится объезжать особенно крупные города и поселения окольными путями – через леса и поля. Агата говорит, что кому-то невыгодно моё воскрешение. Удивительно, как она всячески избегает упоминания имён и других деталей.

Выдыхаю, опираясь щекой о спину Агаты.

– Ты устала? Потерпи ещё чуть-чуть. Мы переночуем на постоялом дворе.

Я почти не слышу её слов. Закрываю глаза и вспоминаю тот вечер – последний в другом мире. Ночь. Парк. Озеро позади, поскрипывающие доски пирса. Два золотистых глаза, взирающих на меня. И голос.

«Прости меня, Селена».

О, этот голос, не дающий покоя. Может, разгадка кроется в лице этого незнакомца? Если я увижу его вновь... смогу ли всё вспомнить? Когда я открыла глаза там, в больнице... я не помнила восемнадцать лет своей жизни. Потому что эти восемнадцать лет прошли здесь. Где-то глубоко внутри себя я знаю это. Вот только принимать не спешу.

– Селена. – Шёпот Агаты заставляет меня вздрогнуть и оторваться от спины девушки.

Смотрю на Элиота – он напряжён даже больше, чем обычно. Его губы плотно сжаты, брови сведены к переносице. Глаза бегают слишком взволнованно. Я замечаю продолговатый тонкий кинжал в его руке.

– Что происходит? – Подаюсь немного вперёд, понижая голос. Агата боязливо оглядывается и к чему-то прислушивается.

Вместо ответа она прижимает указательный палец к губам, прося меня замолчать. Девушка наматывает поводья на кулак, заставляя лошадь чуть сбавить шаг. Мои пальцы сжимаются на ткани её тёмного камзола. Здесь водятся волки, медведи или животные больше и опаснее? А если существуют люди-маги, то почему не может быть каких-нибудь страшных волшебных единорогов с клыками? Или огнедышащих драконов?

По коже бегут мурашки, стоит мне задуматься об этих тварях. Встречаться с ними не

очень-то хочется: хватает подкинутых фантазией картинок. В районе лопатки резко колет; жжёт так сильно, что я болезненно морщусь. Перед глазами почему-то предстаёт та самая комната со столом – из моих снов. Голову пронзает тысячей иголок, и я прижимаю руку ко лбу. Будто снова стою в окутавшей пространство тьме, опираясь ладонями о гладкий стол.

До слуха доносятся шелест ткани и голос:

«Найди меня».

Я открываю глаза медленно, потому что от этого мне почти физически больно. Передо мной что-то мелькает. Чёрное, как если бы на землю всего на секунду опустилась тьма. Тени словно оживают, шевелятся и тянутся к нам. Вспоминаю ту страшную лошадь. Страх с такой силой сдавливает горло, что от накатывающего ужаса я не могу и крикнуть. Вся паника той судьбоносной ночи вновь накрывает меня. Вцепляюсь в камзол Агаты мёртвой хваткой, будто она – единственное, что может спасти меня от живой тьмы. Она вздрагивает, потому что и сама боится этих теней, снующих вокруг.

И голоса внутри оглушающе рокочут.

Беги от него.

Не дай ему себя поймать.

Не дай ему прикоснуться к тебе.

Беги. БЕГИ. Б-Е-Г-И.

– Агата! Быстро! – Голос Элиота едва касается ушей.

Я снова словно погружаюсь в воду. Звуки становятся приглушёнными, отстранёнными. Лопатку пронзает боль. Издаю тихий стон, чувствуя, как она эхом прокатывается по телу, обжигая нервные окончания. Кожа вспыхивает, пульсирует, словно кто-то прижимает к ней раскалённое железо.

– Потерпи, – шепчет Агата, смотря на меня через плечо, а потом кивает в сторону Элиота.

Она пускает лошадь галопом. Мне приходится оторвать руку от головы, чтобы уцепиться за её талию, иначе я бы просто свалилась в снег. Ветки хлещут по ногам: это ощущается даже сквозь ткань штанов. Останутся синяки и ссадины, но эта боль не идёт ни в какое сравнение с той, что заполняет меня изнутри. Слёзы жгут щёки.

За спиной шуршат тени. Я слышу... Нет! Я чувствую их передвижение, будто сама являюсь одной из них. Агата, кажется, испытывает схожие ощущения. Она хочет погнать лошадь быстрее, но та без того уже бежит из последних сил.

Сердце бьётся так быстро, что ещё чуть-чуть – и просто выпрыгнет из груди. Лёгкие жжёт от нехватки кислорода, я задыхаюсь. Поворачиваю голову и вижу, как лошади, сотканые из тьмы и теней, следуют за нами. Их гривы развеваются от воющего ветра, а золотые глаза опасно блестят в наступающем сумраке леса.

Зажмуриваюсь, утыкаясь лбом в спину Агаты. Она сказала, что живая я буду кому-то мешать. На озере меня толкнула именно такая лошадь. Может, одна из них убьёт меня и здесь? Удержаться от того, чтобы не обернуться вновь, сложно, и я снова оглядываюсь, пытаюсь силой мысли заставить их исчезнуть.

Они отстают. Нет, вряд ли – это мы теперь скачем быстрее. Чёрные лошади оказываются далеко позади. Стволы больше не мелькают перед глазами, ветки не хлещут по ногам, а листва вперемешку со снегом больше не шуршит под копытами. Мы выбираемся из леса.

Я, сама того не замечая, облегчённо выдыхаю. Элиот скачет совсем рядом. Живой. И если я и Агата испугались до смерти, то на его лице я не вижу и толики страха.

Лошади замедляют бег, стоит нам оказаться на приличном расстоянии от леса. Агата разворачивает свою кобылу так, чтобы мы без проблем сумели вернуться, если появится необходимость. Не могу сдержать испуганного вздоха: животные, словно сотканные из самой тьмы, выстроились у кромки леса. Бьют копытами по снегу, выпуская из ноздрей тёмный пар. На одном из них сидит мужчина в длинном чёрном плаще. Капюшон накинута на голову, но я отчётливо чувствую его взгляд. Глаза пылают, светятся, совсем как у его питомцев. Мужчина вскидывает подбородок, качая головой, а затем скрывается за стволами деревьев. Лошади следуют за ним. Лопатка почти сразу же перестаёт болеть.

Вбираю в лёгкие свежий воздух. И чувствую кое-что ещё: манящее, зовущее. Магию.
«Ты не убежишь, Селена».

6 глава

Селена

Лёгкий ветерок мягко обдувает лицо. Я запрокидываю голову, прикрывая глаза рукой от яркого солнца. Как же хорошо... Где-то вдалеке чирикают птицы, журчит небольшой водопад. На улице стоит самая настоящая жара – спасает лишь озёрная прохлада. Ноги лениво касаются воды, нарушая её покой и заставляя расходиться рябью вокруг. Отрываю ладони от нагретой мраморной плитки, играючи пропускаю через кончики пальцев чистые капли.

Позади слышится шорох. Оборачиваюсь, обводя взглядом пространство вокруг. Колонны беседки вздымаются надо мной, сходясь к куполу. На островке в дальней части озера густо растёт зелень. Деревья качаются на ветру, скрипя тонкими ветками, – они напоминают мне паучьи лапки. Я люблю лежать на плитках, слушая шелест растений и наблюдая за дрожью листьев. Между колоннами беседки стоят маленькие пьедесталы с пузатыми вазами; у них большие ручки и тонкие горлышки. Каждая расписана особым, неповторимым узором. Пять ваз – пять Домов.

От этого места веет спокойствием, умиротворением. Я нашла его, когда мне было лет десять. Убегала от учителей и случайно свернула на заросшую дорожку.

Воздух вокруг подрагивает. Тени трепещут. Я не могу не улыбнуться таким знакомым ощущениям и смотрю перед собой, прикусывая нижнюю губу.

– Вообще-то, следить за девушками – нехорошо, – специально повышаю голос и резко разворачиваюсь, вытаскивая ноги из воды.

Поджимая колени к груди и обхватывая их ладонями, упираюсь в них щекой. Я знала, что он найдёт меня здесь. Рано или поздно моё секретное место было бы раскрыто – и без того зреет уверенность в том, что он давно разгадал мою маленькую тайну, просто старательно делал вид, что ничего не знает. Плут и хитрец.

– Пропускать уроки – вот что нехорошо. Но я же не отчитываю тебя, как ты меня. – Капризно закатываю глаза на его строгий тон, но не возвращаю ноги обратно в ледяной поток. – Я каждый раз закрываю глаза на все твои побеги и шалости. Думаешь, легко прикрывать тебя перед отцом?

– Я уже всё умею, – цокаю я языком, сталкиваясь с горящими золотом глазами. – Какой

смысл учиться тому, что я и так знаю? Когда я прошу усложнить материал, то от меня отмахиваются, как от назойливой мухи, что жуужжит и жуужжит над ухом.

Из тени дерева долетает тихий вздох.

– Знаю, Селена. – У меня невольно замирает сердце от того, с какими добротой, нежностью и лаской он произносит моё имя. – Всему своё время. Это мой отец дал указ учителям, чтобы они не спешили давать тебе что-то посложнее. Я знаю, что ты умна. Буквально поселилась в библиотеке. Может, мне приказать принести туда кровать? – Не могу сдержать тихого смешка. – Вода так же капризна, как и ты. Тебе нужно проявить терпение, поскольку однажды ты будешь за него вознаграждена. Нельзя быстро достичь высот. Моему отцу неважно, с какой скоростью ты взбираешься по этой лестнице. Важно, чтобы у тебя что-то осталось в голове... Очень многие считают, будто вода безобидна. Но... ты ведь сможешь доказать обратное?

Я чувствую его улыбку и улыбаюсь в ответ. Он поднимает руку – на его указательном пальце блестит перстень. И мир погружается во тьму.

* * *

Проходит трое суток с тех пор, как мы повстречались в лесу с неизвестным мужчиной. Агата подозрительно тихая и напряжённая, а Элиот... Элиот остаётся самим собой. К слову, за эти дни моё состояние заметно улучшается. Отвар, что моя новая знакомая готовит несколько раз в день, и правда помогает. Вчера вечером я смогла съесть похлёбку, даже не поморщившись, – Агату это обрадовало. По словам Элиота, цвет кожи пришёл в норму. Наконец не клонит в сон, не тошнит, не кружится голова. Но почти каждую чёртову минуту я думаю о том мужчине. Мне начинают всё чаще сниться сны, настигают яркие вспышки воспоминаний. Правда, ничего нового из них узнать не получается.

Открываю глаза. В сновидениях встречались места необычайной красоты: дворцы с длинными коридорами и галереями, узкими и широкими окнами от пола до потолка; расписной пол, замысловатая лепнина. В одном из снов я бродила по каким-то античным развалинам. Там было очень много зелени и маленьких озёр, соединённых между собой каналами под стеклянным полом. В кристально чистой воде плавали золотые рыбки. Свет, падая на чешуйки, заставлял их сверкать подобно драгоценностям. Я шла среди колонн и арок, ощущая босыми ногами мягкость травы и тепло обработанного камня. Тело и лицо обдувал ветерок, а свежесть от маленьких озёр не давала капелькам пота выступить на коже. И было так... спокойно на душе. Словно я вернулась домой.

За окном ещё темно. На низком столике между кроватями стоит масляная лампа, слабый свет которой освещает предметы вокруг. Комнаты постоялых дворов отличаются только мягкостью матрасов, но в остальном – не особо.

Агата всё ещё спит. Её чёрные волосы спутаны, а некоторые пряди даже попадают в рот – но, кажется, сопеть ей это особо не мешает. Днём она обычно вся такая идеальная: с блестящими волосами, что либо стянуты в хвост на затылке, либо заплетены в тугую косу. А вот сейчас больше походит на умиротворённого ребёнка, видящего не первый сон.

Агата напоминает мне принцессу, хотя и довольно странную. Это не диснеевская дама, которая носит длинное платье в пол, цепляет на себя тяжёлые драгоценности и томится в башне в ожидании принца, нет. Она похожа на тех принцесс, что любят удобные штаны,

камзолы и кинжалы за пазухой. Подобные ей всегда спасаются самостоятельно, и я, честно говоря, поражаюсь этому умению.

Улыбаюсь от такого глупого сравнения. Если Агата для меня воинственная принцесса, то Элиот – рыцарь, следующий за ней по пятам.

Провожу пальцами по лицу, пытаюсь прогнать остатки сна. В таких историях, с воинственными принцессами и верными им рыцарями, всегда бывают какие-нибудь злой король или королева-мачеха, желающие отомстить принцессе за её молодость, а рыцарю – за его храбрость. В хороших сказках, конечно, дуэт принцессы и рыцаря побеждает. Но в реальности всё бывает иначе.

Сажусь, откидывая одеяло в сторону. Это место гораздо лучше предыдущих: удобные кровати, открывающийся из окна красивый вид, тут приятно пахнет сеном и теплым молоком. Можно не бояться укусов клопов – помещение вымыто до блеска. Мы даже смогли искупаться и выстирать одежду – Элиот помог нам её высушить. Как же приятно быть чистой!

Натягиваю сапоги и снимаю камзол с изголовья кровати, после чего накидываю его поверх рубашки, не застёгивая.

В дверь тихо стучат, затем она приоткрывается – так, что я могу различить черты гостя.
– Не спишь? – шепчет Элиот, просовывая в щель светлую голову. – Не хочешь подышать воздухом? Агата любит поспать и оставить все свои слюни на подушке. Очень сомневаюсь, что ты готова смотреть на эту картину ещё как минимум час.

Улыбаюсь, переводя взгляд с Элиота на Агату: та действительно пускает слюни и глубоко спит. Киваю, после чего поднимаюсь и бесшумно покидаю комнату.

Спускаемся на второй этаж и проходим по коридору мимо однотипных дверей, пока не доходим до конца. Элиот пропускает меня вперёд на совсем небольшой балкончик – мы вдвоём едва на нём умещаемся. Я застёгиваю пуговицы камзола, пряча лицо в воротнике. Пускай мы и находимся достаточно близко к границе, холод Севера всё равно берёт своё. Особенно в столь ранний час.

Бесстрашно опираюсь локтями о перила, смотря вдаль. Мы остановились в небольшом, весьма уютном городке. Я не запомнила его названия, но сам городок вполне милый: мощёные улицы, аккуратные домики. В таких местах витает аура уюта и спокойствия. Неосознанно вспоминаются городской шум, толпа спешащих прохожих, через которую мне приходилось проталкиваться каждое утро. Здесь можно насладиться тишиной, что я и делаю.

– Тебе не страшно?

– Прости?

– Тебе не страшно? – терпеливо повторяет парень, доставая из кармана мятую сигарету и зажимая её между зубами.

Из указательного пальца вырывается искра. Тонкая струйка дыма кружит по воздуху, а Элиот прикрывает глаза, медленно затягиваясь.

– Я много чего не понимаю. Воспринимаю всё это как сон. Окажись ты в мире, о котором ничего не помнишь, не испугался бы? А если бы за тобой погнались шевелящиеся тени? – Элиот несдержанно хмыкает, качая головой. – Ещё и вся эта таинственность вокруг моего прошлого. Я даже не знаю, чего мне следует бояться.

– Агата долго искала возможность вернуть тебя. Ты даже не представляешь, как она переживала. Весь мозг мне выела, – усмехается он, коротко улыбаясь, – это впервые, когда он на моих глазах улыбается по-настоящему. – Агата умная. Во всех этих тонкостях она

разбирается лучше магов, которых я знал. Если она говорит, что тебе нужно вспомнить всё самой, то я бы советовал её послушать. – Элиот выпускает в воздух струю сизого дыма.

– Я не была знакома с тобой до того, как меня... Эти слова произносить тяжелее, чем кажется, извини.

– Когда тебя утопили? Нет. Я с Агатой-то познакомился года два назад. Узнал о тебе от неё же. Ну и от тех, кто смог... – Элиот морщится, прикусывая щеку изнутри. – Прости, я болтаю много лишнего. Не хочу, чтобы план Агаты накрылся медным тазом.

– Хорошо. Тогда следующий вопрос, который не имеет отношения к моему прошлому: ты военный? Просто у тебя... такая выправка.

– Умело переводишь тему. Молодец. – Он стряхивает пепел в сторону. – Нас всех обучают военному делу. А дальше мы сами выбираем, по какому пути нам идти: стать боевым магом или «придворным». Есть ещё маги рабочего класса. Как можешь догадаться, я выбрал первое. Ежесуточное нахождение в четырёх стенах не для меня. Не вытащи меня Агата, я бы сошёл с ума в Подземном Городе.

– О... Извини за такой бестактный вопрос. Вы с ней встречаетесь? Или просто дружите?

Элиот отворачивается от меня и тихо смеётся.

– Это тоже часть твоих наблюдений? Мы создали такое впечатление? – Его брови удивлённо ползут вверх, когда мы снова встречаемся взглядами. – Мы с Агатой слишком разные, чтобы связывать свои судьбы чем-то большим, чем просто дружба.

– А с ней я тоже не была знакома при жизни?

– Ох, мы с ней не разговаривали о прошлом настолько детально. До этого наша дружба ещё не дошла. – Он качает головой, вновь выпуская изо рта облако дыма. – Когда тебя убили, Агате было четырнадцать лет. Она мало того, что не знала тебя... Да даже если бы и знала, то сомневаюсь, что запомнила тебя. – Юноша пожимает плечами, прежде чем затушить сигарету о почти растаявшую корку льда на перилах. – Насколько я знаю, та – не буду называть имен, – что поступила так с тобой, не отличается милосердием к тем, кто не подчиняется ее воле. Агате вообще повезло, что она осталась жива. Моя старшая сестра успела забрать меня в Подземный Город. А вот родителям повезло куда меньше. Мне тогда было шестнадцать лет, но помню всё, будто это было вчера. – Взгляд Элиота, полный тоски, скользил по крышам. – Когда Агата пришла к нам, ей мало кто доверял. Причину она сама тебе расскажет, когда посчитает нужным. Я, как видишь, поверил.

– Ей так необходим был сообщник?

– Скорее, собеседник, которому она с радостью забьёт голову ненужной информацией. Одна из таких глупостей привела нас к тебе, – хмыкает он, смотря на меня. – Ну а что ты расскажешь о себе? О том мире, где ты была. Ещё неделю назад я считал Агату безумной, а тебя – не более чем глупой детской сказкой. А сейчас стою и разговариваю с тобой, сетуя на свой скептицизм.

Я улыбаюсь.

– Даже не знаю, с чего начать. Так много всего. – Я снова оглядываю крыши. – Некоторые из наших зданий полностью покрыты стеклом. Поднимаются вверх, выше деревьев, порой даже облаков. На лошадях ездят только ради развлечения, предпочтение отдают автомобилям – это что-то вроде кареты, которая едет сама по себе, но ею можно управлять.

– Магия?

– Наука. Хотя особой разницы нет. Одежду мы тоже носим другую. А еда... боже. Тебе просто необходимо попробовать пиццу. Когда я только очнулась, Миша принёс мне её. И это было намного вкуснее пресной больничной еды. Возможно, только благодаря пицце я и выздоровела.

– Миша? Он твой... друг? Или мне тоже включить свою наблюдательность? – хмыкает Элиот, складывая руки на груди и опираясь о стену позади себя.

– Друг, да. Я ничего о нём не помню. Когда открыла глаза, увидела перед собой его лицо. Как лицо Агаты, когда вы вытащили меня. Он сказал, что мы были близкими друзьями до того, как меня нашли, как я потеряла память. Сначала я ему не верила, но... он... был так добр ко мне... – Я сплетаю пальцы и сжимаю их в замок. – Если получается, что моя настоящая жизнь была тут... – Сжимаю руки так сильно, что хрустят суставы. – Получается, что, – внутри что-то лопается от вдруг накатывающего осознания, – Миша мне вовсе не друг, никогда им и не был. Он соврал ещё тогда, в больнице.

– Я не хочу тебя пугать, Селена. Мы не знаем, как работает та магия, что сохранила тебя живой здесь, перенесла в мир высоких зданий и пиццы. Но кое-что я могу сказать точно: всё вокруг тебя там было своеобразной игрой. Скорее всего, твоё окружение создали специально, чтобы оно разыграло представление. Тебя нужно было отвлечь, ведь ты могла вспомнить что-то из нашего мира и попытаться вернуться обратно.

Язык обжигает горечь обиды. Ни Мария, ни Миша не были со мною искренними, они были лишь актерами. А Илья? А отец Миши с его кофейней? Всё это... ложь. Сердце больно колет под рёбрами, а глаза предательски щиплет. Тогда я думала, что проживаю свою жизнь – ту, которую потеряла вместе с памятью. Ложь началась с того момента, как я открыла глаза в больнице.

Ложь. Ложь. Одна сплошная ложь.

– Война никогда не приводит к чему-то хорошему, – практически шепчет эти слова Элиот, опуская взгляд на наледь.

Это означает, что у меня никогда не было друга Миши, не было семьи, работы. Не было ничего.

Наверное, Элиота беспокоит моё «потухшее» лицо. Он виновато отводит взгляд и щелчком пальцев выкидывает окурок на улицу.

– Эта война нас много лишила. Семей, друзей. Надежды. У тебя отобрала жизнь. Я понимаю, что это удар: спокойно жить и вдруг узнать, что этой жизни как таковой просто не существует, – на выдохе произносит парень, заставляя меня вслушаться в его слова. – Но ты здесь. Ты можешь построить свое будущее сама. Какой путь ты выберешь? Путь смирения? Оставишь все как есть? Или Путь мести – станешь сумасшедшей, что будет мстить за отнятое? Путь борца – возьмёшь всё в свои руки?

– Вот это ты завернул, – устало говорю я, опуская глаза. – Всё происходит слишком быстро. Я... Мне нужно время.

– Время – это роскошь, которую мы сейчас позволить себе не можем. Но, думаю, немного времени у тебя всё же есть. Не забудь сказать, по какому пути решишь пойти. А сейчас, – Элиот отталкивается от стены и открывает передо мной дверь, – пошли-ка внутрь. Агата будет крушить всё на своём пути, если узнает, о чём мы с тобой говорили.

Я улыбаюсь, покидая балкон.

Путь смирения? Путь мести? Или всё же Путь борца?

Упираюсь ладонями в шершавую кору дерева. Пальцы стали липкими. Это не только моя кровь. Мне ещё никогда не приходилось видеть лужи этой отдающей металлическим запахом жидкости и море трупов. К горлу подкатывает тошнота; приходится прерывисто вздохнуть, буквально проглотить это мерзкое ощущение. Я думала, что смогу избежать всего этого, что мне не придётся убивать. Пусть происходящее окажется страшным сном, чтобы можно было закрыть глаза и открыть их уже в своей полной света комнате...

Ногу снова простреливает, и я наваливаюсь на дерево плечом. Не помню, сколько бежала. Явно прошёл не один час. Учитель был бы доволен моими физическими навыками: когда в спину дышит смерть, не то что бежать будешь – летать научишься.

Не знаю, смогла ли оторваться от преследователей. Сжимаю ткань тёмных брюк, впиваясь ногтями в кожу, издаю приглушённый стон. Сил бежать дальше нет.

Тяжело. Невыносимо. От физической боли, от душевной.

Слёзы обжигают глаза. Струятся, капая с подбородка на подмёрзшую землю. Лопатку едва колет – словно в утешение. В голове крутится только одна мысль: «Он предал нас всех». Это не даёт мне покоя. Я просто не могу поверить, что он подчинился ЕЙ. Такой своенравный, свободолюбивый – он бы ни за что не встал перед ней на колени. Хочется закричать во весь голос от досады, но я мычу, прижимаясь губами к коже ладони.

Есть ли смысл бороться, если мы всё равно проиграем? Она убьёт нас. Она не даст нам жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/5ru>